
Андрей ГУРТОВЕНКО

ПОСЛЕДНИЕ ДНИ

Повесть

1. Петергоф

В понедельник, 20 мая 1996 года, ровно в десять часов утра студент пятого курса математико-механического факультета Илья Субботин положил на стол научного руководителя распечатанную на матричном принтере дипломную работу. И хотя профессор Еремеев надеялся на большее — вот уже несколько недель он пытался убедить своего лучшего студента написать заявление в аспирантуру, — Илья был доволен. Двухмесячный дипломный марафон был окончен, не нужно было больше сидеть над формулами и программами, не нужно было записываться в очередь в вычислительном центре, не нужно рыскать по факультету в поисках свободной персонaлки с текстовым редактором. А главное — он мог на время вообще забыть о дипломе. Защита была только в конце июня, а аспирантура... А что аспирантура? Как ни вглядывался, Илья все равно не мог пока рассмотреть свое будущее, одно лишь мутное дрожащее пятно на сетчатке, такой дефект зрения — досадный, но при этом до странности волнующий. А потому сегодня профессор Еремеев опять был вынужден довольствоваться его, Ильи, неопределенными междометиями да ритуально озвучить очередной «крайний срок», четвертый или пятый по счету. На этот раз Илья должен был принять решение к началу следующей недели. Теперь уже точно. Окончательно и бесповоротно.

Прощавшись с Еремеевым, Илья прошел по гулким и пустынным в этот час коридорам до «Сачка», кафе на третьем этаже факультета, сварил себе кофе и с комфортом расположился в курилке по соседству. Маленький двойной и глубокая, до покалывания в легких сигаретная затяжка — у абсолютного студенческого счастья было всего два ингредиента, и оба сегодня были в наличии. Каких-то несколько секунд, и Илью утянуло туда, где он неизбежно оказывался после каждой сданной сессии, — в расширяющееся во все стороны пространство самых невероятных возможностей. Каждая из этих возможностей искрила и увлекала и в то же время была совершенно необязательна. Именно в необязательности чего бы то ни было и заключался главный секрет — все, что Илья мог теперь сделать, можно было не делать. И все, что он мог сейчас пожелать, совсем необязательно было желать. Ему даже показалось, что сегодня эти ощущения были какими-то особенно острыми — из-за того, наверное, что это последний его семестр в университете. Очень скоро у него начнется совсем другая жизнь. Та самая, которую ему пока никак не удавалось рассмотреть.

Андрей Гуртовенко родился в Сибири, живет и работает в Санкт-Петербурге. Образование высшее, профессор РАН. Публиковался в журнале «Урал», в сетевом издании «Топос», в коллективных сборниках рассказов «Удивительные истории о любви» (АСТ, 2019) и «Твист на банке из-под шпрот» (Эксмо, 2019). В 2021 году в издательстве «Время» вышел дебютный роман «Цельсиус»; рецензия на роман опубликована в журнале «Знамя» (2021, № 10).

Илья докурил, потушил сигарету о край стоявшей на полу стеклянной банки. Окурочек упал в импровизированную литровую пепельницу, смешался с многочисленными искалеченными собратями — с пожелтевшими от дыма гильзами использованных निकотиновых зарядов бодрости и преувеличенно мудрых мыслей. Одна из которых попала прямо в Илью: Катя. Она ведь тоже знает о дипломе, знает, что сегодня он должен сдать работу Еремееву. А значит, пауза с уроками немецкого закончилась, больше у него нет никаких отговорок. С секунду поколебавшись, Илья достал из рюкзака учебник в синей мягкой обложке. Не без труда отыскал место, где остановился несколько недель назад, и прочитал:

— Also, Herr Krause, was haben Sie gestern gemacht?

Илья прищурился — его глаза всегда непроизвольно сужались, когда требовались концентрация и внутреннее напряжение. Как, например, сейчас, когда по прошествии двух месяцев многие немецкие слова вновь превратились в совершенно неопределимые переменные. Кто бы мог подумать, что немецкий язык окажется настолько сложнее Си или Паскаля?

«Also — итак. Haben gemacht — делал. Хорошо. Теперь gestern. Gestern, gestern...» Илья отыскал в рюкзаке кирпичик немецко-русского словаря — учебник немецкого Катя привезла из Германии, и в нем не было ни слова по-русски. «Aha, вот: gestern значит вчера. Тогда получается: что вы вчера делали, герр Краузе? Ясно. Ну и что герр Краузе у нас вчера делал?»

Илья спустился глазами на следующую строчку:

— Gestern habe ich nichts gemacht.

«Nichts, значит. Ничего он вчера не делал. Молодец какой. Только как же так, герр Краузе? Катя вот мне постоянно рассказывает, какие вы там в Германии трудолюбивые. А тут вдруг...»

— О, Илюх, здоров.

Илья поднял глаза: его однокурсник Марат, всклокоченный, помятый и при этом преувеличенно, чуть ли не агрессивно бодрый, с интересом разглядывал учебник у него в руках. Они обменялись рукопожатиями, при этом Илья остался сидеть, лишь ненадолго для приличия привстав со скамьи, — рефлекторная, годами выработанная реакция на любого, кто был выше него ростом.

— Ду ю спик инглиш? — сказал Марат, кивнув на учебник.

— Шприхст ду дойтч, — парировал Илья. — Это немецкий, Марат.

— Да? — Марат несколько не смутился. — В Германию, что ли, собрался?

— Нет. Просто раздвигаю себе лингвистические горизонты.

— Хорошо тебе. Диплом-то небось уже написал?

Илья молча кивнул.

Они не были близко знакомы с Маратом, учились в разных группах и особо не пересекались. И если бы Марат хоть немного разбирался в программировании, они бы, наверное, вообще не знали друг друга. Так, еще одно примелькавшееся лицо в факультетских коридорах, не больше. Но языки программирования не входили в сферу жизненных устремлений Марата, а потому он — как и многие другие — пару лет назад стал клиентом Ильи Субботина: никто на факультете даже представить себе не мог, сколько студентов каждую сессию использовали написанные Ильей программы в своих курсовых. Илья клиентов тоже никогда не считал — зачем? Деньги, которые он таким образом зарабатывал, позволяли ему не думать об этих самых деньгах. Этого было достаточно. Более чем.

Правда, когда Илья начал писать диплом, все эти подработки сами собой прекратились. Это не обрушило, конечно, успеваемость его клиентуры — спрос всегда порождает себе предложение, пусть и не такое качественное, как у Ильи. Однако были и те,

кого уход Илья с черного рынка кодировщиков заставил в первый раз спуститься в иссушающий душу ад программиста. В нескончаемые, вызывающие головокружение круги из придумывания алгоритма, написания программы, отладки-ошибки-отладки-ошибки и вечного возвращения в начало, к проклятой, отчего-то не желающей работать блок-схеме. Вот и Марат выглядел сегодня как человек, которого ошибки компилятора преследуют даже в ночных кошмарах. Илья сразу же узнал этот остекленевший от недосыпания взгляд и красные воспаленные белки глаз.

Было видно, что Марат куда-то спешил, он с беспокойством осматривался по сторонам, переминался с ноги на ногу, но не уходил, словно какая-то сила помимо воли удерживала его возле Субботина. «Сейчас с дипломом попросит помочь», — понял Илья, с удовлетворением отмечая, как от этой мысли Марат становится ниже ростом.

— Илюх, ты, это... — заговорил наконец Марат. — Короче. У меня тут напарник неожиданно слился. И я подумал: может, у тебя есть знакомые, которым работа нужна?

Марат снова вытянулся, опять вернулся в свой — заметно выше среднего — рост. Разочарованный, Илья отвел взгляд и спросил без особого интереса:

— Что за работа?

— Да работа как работа. Пикеты, раздача листовок, обход квартир, наблюдение на избирательном участке — работа на выборах, короче.

— На выборах? — Илья удивленно поднял глаза на Марата. — А не рановато ли для выборов президента?

— Ты че, Илюх, какого еще президента? — теперь пришла очередь Марата удивляться. — Работа в группе поддержки Собчака. На выборах губернатора.

— Так ведь вчера губернатора выбирали.

— Выбирали, да недовыбирали. Ни один кандидат не набрал половины голосов, так что будет второй тур.

— Хочешь сказать — Собчак не выиграл в первом туре?

— Ты что, правда не в курсе?

— Нет. Я как-то... — Илья помедлил. — И кто тогда вышел во второй тур? Болдырев?

— Болдырев-Шмолдырев, — сказал Марат. — А Владимир Яковлев не хочешь? Заместитель собчаковский.

Илья попытался припомнить, как выглядит кандидат по фамилии Яковлев, но не смог. Да и как можно вспомнить то, чего никогда не знал? Победа Собчака казалась делом настолько решенным, что ему даже в голову не пришло появиться вчера на избирательном участке. К тому же в воскресенье он действительно был занят: вносил последние правки в дипломную работу. А чтобы проголосовать, нужно было ехать в Петергоф: Илья до сих пор был прописан в общежитии.

И все равно — Владимир Яковлев? Заместитель Собчака? Seriously?

— Короче, Илюх. Мне сейчас бежать уже надо — шеф с дипломом совсем с катушек слетел. Ты там поспрашивай у своих, ладно? Может, кто и подпишется. — Марат помолчал и вдруг добавил: — Ну или ты сам.

— Я?

— Ну да, — пожал плечами Марат, — почему нет? Платят там нормально, в районе полтинника в день, может, больше. Да и я бы лучше кого-нибудь из знакомых себе в напарники взял. А то попадется какой-нибудь ушлепок, мучайся потом с ним. Короче, если что-то где-то, звякни мне вечером, ладно?

2. Катя

— В группе поддержки Собчака? Ты? — Катя высвободилась из рук Ильи и отступила на шаг, словно хотела повнимательнее его рассмотреть. — С чего это вдруг?

То, насколько сильно его потрясло услышанное от Марата, Илья понял, только вернувшись из университета в Петербург. Он так давно мечтал об этом, о том, как отправится бродить по городу, когда с дипломом будет покончено. Просто бродить, без всякой цели и определенного направления, точь-в-точь как человек, попавший внутрь алгоритма случайных блужданий на двумерной решетке, — эту программу, в числе прочих, Илья написал для дипломной работы. Он вышел с Балтийского вокзала, на метро добрался до Невского и тотчас понял — что-то не так. Он крутил головой по сторонам, всматривался в оконные проемы, в лепнину на фасадах, в колонны и пилястры, вслушивался в пульсирующий шум города — в рычание перекормленных бензином автомобилей, шелест стирающихся об асфальт шин, многоголосую какофонию прохожих, — и внутри постепенно тяжело, наливалось тоскливым предчувствием чего-то непоправимого. Словно какая-то тень преследовала его сегодня, куда бы он ни направлялся — и на Большой Конюшенной, и на канале Грибоедова, и на Итальянской улице, и дальше — через Фонтанку до самой улицы Восстания. Наконец Илья не выдержал, купил в газетном киоске свежие выпуски «Смены» и «Часа пик» и быстро их просмотрел. Второй тур губернатора был главной темой городских газет, однако Илья так и не смог понять, почему у бывшего заместителя мэра имелись хоть какие-то шансы на победу. Зато он узнал, как выглядит этот самый Яковлев — ни дать ни взять, антипод харизматичного Собчака: маленькие, близко посаженные глаза, вытянутое лицо, надутые — как будто от обиды — губы. Но все перевешивало выражение лица — глуповатое и при этом какое-то изможденное.

— Как это с чего? — сказал Илья, вновь притягивая к себе Катю. — А тебе самой разве не важно, кто будет губернатором?

— Илья, ты стрелки-то не переводил. — Катя опять выскользнула из его объятий. — Это ведь не я собралась за Собчака агитировать.

— Не знаю, — пожал плечами Илья. — Просто Собчак всегда был мэром города, с самого моего приезда в Питер. Всегда, понимаешь? Он как Дворцовая площадь или Невский проспект. Как Дом книги или Московский вокзал. Какой самый большой музей в городе? Эрмитаж. Кто мэр Петербурга? Собчак.

— Это что, игра в ассоциации?

— Кать, а ты видела вообще этого Яковлева?

— А что, Илюшенька, должна была?

Катя всегда, когда раздражалась, называла его Илюшенькой. Это была самая безобидная стадия, первый звоночек. Дальше следовало обращение к Илье по фамилии, и он знал, что Катю до этого лучше не доводить.

— Нет, не должна. — проговорил Илья примирительно. — Но мне кажется, что губернатор Петербурга должен хотя бы немного соответствовать городу. Интеллигентностью, какой-то особой породистостью...

— Да? А я всегда считала, что хороший губернатор — это тот, кто приведет наконец город в порядок, — сказала Катя.

— И это тоже. Но я уверен, что без Собчака город станет совсем другим.

— Правда? — усмехнулась Катя. — Ну тогда, может, все это к лучшему?

— Что к лучшему, Кать?

— Все это. Выборы эти. Может, если Собчак проиграет, ты станешь наконец немного сговорчивей?

— Ты о чем сейчас вообще?

— Я о Германии, Субботин. О Гер-ма-нии. И не делай вид, что не понимаешь. — Катя развернулась и вышла из комнаты, несколько мгновений спустя с глухим хлоп-

ком включилась газовая колонка на кухне, дрогнули стекла в квартире, послышался плеск воды в раковине.

Илья провел какое-то время в неподвижности, словно заново вспоминал, какие мышцы нужно использовать для самых простых действий. Затем вышел из ступора, отыскал пачку сигарет и надолго уединился на балконе. Он курил одну сигарету за другой, наблюдая, как ветер превращает искры в бестелесный отживший пепел, уносит его вслед за истончающимся, покинувшим легкие дымом в заросший деревьями двор. Слушал, как напряженно шумит невидимая отсюда дорога, и ему чудилось, что если сосредоточиться, сильно-сильно, до боли в зажмуренных глазах, то у него получится разобрать, как прямо под домом, в тоннеле грохочут по рельсам вагоны метро.

Катины слова не то чтобы открыли ему глаза, они словно навели резкость на мучившую его после возвращения из Петергофа тревогу. И та тень, что преследовала его сегодня на улицах города, обрела наконец черты, проступила в сгущающихся сумерках невзрачным лицом бывшего заместителя мэра. Это было странно, этому трудно было найти объяснение, но это было так: Петербург с Яковлевым во главе действительно терял какую-то очень важную часть себя. Его таким образом словно бы оскверняли. Или еще хуже — опять переименовывали.

Наконец Илья вернулся в квартиру, прошел в прихожую, где на тумбочке под зеркалом стоял телефонный аппарат, и набрал номер Марата.

3. Площадь Ленина

С Маратом они договорились встретиться в четыре часа на выходе из метро «Площадь Ленина». «Только не опаздывай», — сказал Марат, однако сам задержался на целых десять минут.

В ожидании приятеля Илья пристроился у стены напротив эскалаторов и почти сразу впал в ту особую разновидность прострации, которую всегда вызывал в нем непрерывный поток поднимающихся из-под земли людей. Запасы пассажиров в недрах метрополитена казались неисчерпаемыми, было ощущение, что все эти люди рождаются прямо там, под землей, и там же, в изгибающихся подслеповатых тоннелях, каждому из них выдают необъятного размера баул, рюкзак или сумку-тележку. На самом деле для такого количества багажа существовало и другое, более прозаичное объяснение — расположенный тут же, на площади, Финляндский вокзал. Дачный сезон уже стартовал, температура понемногу подрастала день ото дня, и глядя, с какой целеустремленностью, чуть ли не остервенением жители Петербурга стремились покинуть свой город, Илья искренне недоумевал. Как можно было сейчас уезжать из города? Как можно было променять его на тоскливую деревенскую глухомань? Ведь не сегодня-завтра в Петербург придет вожаемое лето, приведет за собой теплую прозрачность белых ночей. И можно будет дни напролет гулять по набережным и каналам, вдыхать в себя запах камня и воды, сидеть на гранитных ступенях, уходящих в темную неторопливую реку, поклоняться этому городу, преклоняться перед ним, вживаться в него, становиться его частью...

Наконец появился Марат, и, увидев его, Илья немного опешил. И дело было не в том, что тот зачем-то вырядился в костюм и выглядел потому до крайности неуместно в толпе суетящихся, опаздывающих на электричку дачников. И даже не в том, что в костюме Марат казался еще выше. Дело было в другом. От Марата исходила сейчас какая-то необъяснимая уверенность в себе, нечто такое, чего Илья за ним раньше не замечал. Даже не так — казалось, что эта внезапная сила, которую почувствовал Илья, не принадлежала на самом деле Марату, что он просто ее отражал, и от это-

го было особенно не по себе — если один только отраженный свет настолько преобразил его приятеля, что же должно быть там, в эпицентре этой самой силы?

Марат остановился напротив Ильи и придиричиво его осмотрел.

— И это, по-твоему, называется одеться поприличнее? — сказал Марат вместо приветствия. — Я же тебя просил.

— Нужно было выразаться конкретнее, — пожал плечами Илья. — Слышал когда-нибудь про определение переменных?

— Ладно, проехали. Паспорт взял?

— Паспорт???

— Блин, Илюх...

— Ладно, Марат, показывай уже, куда идти, — усмехнулся Илья: костюм костюмом, но сообразительности он Марату точно не добавил, — как, интересно, молодой человек призывного возраста мог выйти сейчас без документов из дома?

Они перешли через улицу Комсомола, спустились к площади и начали обходить памятник вождю мирового пролетариата слева — приближающаяся спина исполинского Ленина несколько нивелировала в глазах Ильи рост идущего чуть впереди Марата. Не доходя до памятника — а значит, так и не взглянув в лицо бронзового вождя, — Марат повернул налево, и очень скоро они оказались у цели. Угловое с набережной здание с грязно-розовым фасадом и портиком, эклектично водруженным на верхние этажи, мало чем выделялось на фоне соседних домов. И только взявшись за ручку массивной деревянной двери, Илья ощутил что-то очень знакомое. Что-то, с чем он раньше уже сталкивался, и сталкивался не раз — в паспортном столе и в военкомате, в деканате или же перед кабинетом коменданта общежития.

В сумрачном вестибюле обнаружился неизбежный турникет с таким же неизбежным охранником, с которым Марат поздоровался за руку. Дождавшись, когда паспортные данные Ильи перекоچуют в журнал посещений, Марат нетерпеливо двинулся по коридору, увлекая за собой Илью. Метров через двадцать коридор повернул направо, и они оказались в небольшом закутке, заполненном людьми, в которых Илья безошибочно опознал братьев-студентов. «Добро пожаловать в районный штаб Собчака», — бросил через плечо Марат и с видом спешащего по делам сотрудника бесцеремонно ввинтился в толпу. Илье ничего не оставалось, как последовать за Маратом. Когда они оказались перед нужным кабинетом, оттуда как раз выходил один из новобранцев с немного ошалевшими глазами и какими-то бумагами в руках. Марат придержал дверь и, не реагируя на возражения стоявших в очереди людей, шагнул внутрь.

Кабинет, в котором они оказались, хоть и выглядел довольно просторным, был под завязку заставлен: два стола, десяток стульев, забитые плакатами и листовками шкафы, телефон, факс, ксерокс, пустые коробки из-под бумаги, переполненные пепельницы, телевизор, решетки на стенах, сейф. И над всем над этим — дух непрекращающегося аврала. За ближайшим столом сидел шатен в белой рубашке с закатанными рукавами, которого Илья сразу же определил как главного. Средних лет, гладкие, аккуратно зачесанные набок волосы, высокий лоб, строгий и открытый, немного усталый взгляд. Но все это терялось в сравнении с той силой, которую человек излучал. Это была та самая сила, отголосок которой поразил Илью сегодня в Марате, только намного более мощная, почти физически осязаемая, хоть и все еще отраженная — было очевидно, что этот человек находится несравнимо ближе к источнику, чем Марат.

Увидев Марата, человек поднялся и пожал ему руку, на мгновение продемонстрировав Илье свой поразительно напоминающий птицу профиль, причем птица была очевидно хищная — ястреб или коршун. «Да что они здесь сговорились, что ли, все?» — подумал Илья, увидев, что его будущий начальник оказался ростом даже выше Марата.

— Здравствуйте, Константин Александрович, — сказал Марат. — Вот друга себе в напарники привел, вместо Николаева. Илья Субботин. Наш компьютерный гений.

Никак не отреагировав на последнюю ремарку, Константин Александрович быстро и цепко оглядел Илью с ног до головы, в глазах на мгновение плеснуло холодом.

— Значит так. Никаких джинсов, никаких кед и футболок. Брюки, светлая однотонная рубашка, галстук, туфли. Пиджак не обязателен, но приветствуется, — принялся перечислять Константин Александрович, обращаясь исключительно к Марату. — И, естественно, никакой трехдневной щетины. Марат, под твою ответственность.

Марат с готовностью закивал.

— Жень, можешь его оформлять, — сказал Константин Александрович и тотчас забыл про Илью.

Сидящий за вторым столом Жень, обильно потеющий здоровяк с круглым, похожим на блин лицом, попросил у Илья паспорт, выписал ему удостоверение и сказал, что через час в комнате сто девять пройдет вводный инструктаж.

Когда они вновь оказались в коридоре, Марат заговорщицки понизил голос:

— Илюх, ты, это... Иди пока в сто девятую, ладно? Это прямо по коридору и направо. А мне тут еще надо с Костей перетереть.

— С каким Костей? — не понял Илья.

— Ну, с Константином Александровичем.

Дверь в кабинет номер сто девять оказалась закрыта. Вокруг бродили новообращенные активисты группы поддержки Собчака с только что выданными удостоверениями в руках. Было видно, что некоторые из них были готовы хоть сейчас броситься в бой — агитировать, убеждать, информировать и разъяснять, однако вместо этого вынуждены были тратить свой пыл — минута за минутой — на тягостное ожидание. Но были и такие, по лицам которых Илья угадал сомнения и даже желание уйти — просто разорвать ни к чему еще не обязывающую бумажку с фиолетовой смазанной печатью и подписью Константина Александровича и покинуть это странное неприветливое место. Сам же Илья если и раздумывал о происшедшем с ним в кабинете, то совсем недолго. Было неприятное ощущение, что без Марата его бы просто выгнали из штаба. И вообще, было непривычно, что кому-то, помимо Кати, было дело до того, как он одет. А с другой стороны, что здесь такого? Если вдуматься, это всего лишь особенности предстоящей работы, когда первое впечатление — оно же последнее. Когда по одежке встречают, а проводить тебя уже некому. И кстати, о Кате. Ссоры ссорами, но обещание выучить немецкий никто не отменял. Илья достал из рюкзака учебник и углубился в очередной диалог с многострадальным герром Краузе.

Инструктаж стартовал только через полтора часа, продолжался меньше пяти минут и оставил привкус необязательности. Почему-то Илья ожидал услышать что-то высокопарное: что город в опасности, что необходимо бросить все силы, что нужно отстоять Петербург, не отдать его на растерзание и так далее. Вместо этого Константин Александрович, надевший поверх рубашки пиджак и выглядевший теперь как высокопоставленный чиновник, вынужденный отрываться от государственных дел на всякую ерунду, тезисно выдал собравшимся компактные полуприказы-полуинструкции. Работаем в парах. Пикеты чередуются с обходом квартир. День — пикеты, день — раздача листовок в подъездах. Сбор завтра, здесь же, в штабе, в девять тридцать утра. С собой иметь: удостоверение, паспорт, светлую голову и презентабельный внешний вид. С этого момента каждый из вас больше не частное лицо. Теперь все вы — личные представители кандидата в губернаторы Санкт-Петербурга Анатолия Александровича Собчака.

— Вопросы? — закончил свое выступление Константин Александрович тоном, не предполагающим никаких вопросов.

Никто из сидевших в комнате не пошевелился. Через приоткрытое окно в помещение проникал шум машин с набережной, где-то совсем рядом сработала автомобильная сигнализация, взвыла и почти сразу оборвалась милицейская сирена.

— А деньги? — вдруг проговорил чей-то неуверенный голос, и внимание активистов вязко качнулось с Константина Александровича на тотчас покрасневшего от волнения худощавого белобрысого парня. — Вы ничего не сказали про оплату.

— Вот ведь мудак, — прошипел Марат Илье, — кто про такое при всех спрашивает? А если яковлевцы в зале?

Впрочем, Константин Александрович нисколько не смутился. Он внимательно посмотрел на задавшего вопрос человека, затем неторопливо обвел присутствующих взглядом и проговорил:

— В рабочем порядке.

На этой загадочной фразе инструктаж завершился.

4. Катя

Если на факультете есть хотя бы две студентки, одна из них непременно окажется красивее другой. Если же девушек больше тысячи, ситуация немного сложнее. Обычно первых красавиц на факультете несколько, и каждый курс имеет свою собственную — звание самой красивой девушки вызывает и утверждается в среде однокурсников. Звание это неофициальное, но, подобно слухам, известное каждому, а значит — безусловное и мало кем оспариваемое. Каждый год на факультете появляется новый первый курс, а с ним и очередная первая красавица. В этом смысле Катя Миллер была уникальна — она сумела выйти за пределы своего курса и удерживала над головой корону самой красивой девушки факультета все пять лет, что провела в университете. И даже не одного факультета, а двух. После переезда естественно-научной части университета из города в Петергоф математико-механический факультет расположился в одном здании с ПМПУ, с факультетом прикладной математики — процессов управления. Общежития находились тут же, в Петергофе, в десяти минутах ходьбы от факультетов — шесть четырнадцатизатажных Т-образных зданий, образующих разомкнутый с двух сторон круг. Один разрыв круга служил входом в студгородок, на месте второго был построен похожий на шайбу дворец культуры, который студенты так и называли: «Шайба». Размещенные в одном здании математические факультеты не особо стремились к сегрегации и в студгородке. Именно так студент первого курса матмеха Илья Субботин оказался в одном общежитии со второкурсницей факультета ПМПУ Екатериной Миллер.

Естественно, Илья почти сразу узнал, кто такая Катя. Ее показывали первокурсникам как местную достопримечательность, она входила в минимальный набор ориентиров, необходимых вчерашним абитуриентам, чтобы не потеряться в прекрасном новом мире. Вот деканат, вот студотдел, вот «Баобаб» и «Сачок», вот похожее на мавзолей здание студенческой столовой. Вот «Шайба», вот граничащая со студгородком деревня Тимяшкино, а вот — Катя Миллер, самая красивая девушка двух математических факультетов.

Несколько семестров Катя присутствовала в жизни Ильи как фон, как неподвижный заснеженный пейзаж, открывающийся из окна его комнаты на двенадцатом этаже, как бессонные белые ночи, проводимые с друзьями за картами, разговорами или просто за бутылкой вина. Но это был очень особый фон, он был как жажда — пока

живешь возле воды, ее вроде и не замечаешь вовсе. Но стоит хотя бы сутки провести без капли жидкости, тотчас понимаешь, что в жизни главное. Так же было и с Катей: если Илья не видел ее несколько дней, то начинал испытывать странную тревогу, какой-то беспричинный дискомфорт. Он далеко не сразу понял, в чем здесь дело, в чем причина этого его состояния, а когда сумел наконец соотнести факты, то даже рассмехался. Это действительно было очень смешно. Катя была настолько не его уровня, что он с тем же успехом мог искать встреч с какой-нибудь голливудской звездой — с той же Мишель Пфайфер, например.

Как и положено центру всеобщего притяжения, вокруг Кати крутилось множество молодых людей. Правда, никому из них не удавалось удержаться на этой орбите слишком долго. Илья часто видел Катю в сопровождении очередного ее парня. Почти всегда это был самый ненавистный Илье типаж, именно такие и стояли на школьных уроках физкультуры во главе шеренги, в то время как Илья все десять классов безуспешно боролся за право не оказаться последним. Ростом заметно выше среднего, широкоплечие, с туповатой улыбкой победителей по праву рождения — последнее, впрочем, было не лишено оснований, раз уж им было позволено держать Катину руку в своей. И все равно, глядя на Катю и ее кавалеров, Илья ощущал жуткий диссонанс. Все эти парни смотрелись совершенно нелепо рядом с Катей, ни дать ни взять — деревенские дурачки возле особы королевских кровей. Катя вообще выглядела на фоне остальных как инопланетянка: длинные волосы цвета пшеницы, скулы, подчеркивающие идеальный овал лица, прямой тонкий нос, зеленые с серым отливом глаза. И все же главным в ней был взгляд, именно он заставлял мужчин искать встреч с этой девушкой снова и снова — невинно-доверчивый и порочный одновременно.

Катя жила четырьмя этажами ниже Ильи, на восьмом, но в общежитии он почти никогда ее не встречал. Илья даже рассчитал вероятность случайно столкнуться с Катей — в лифте, в вестибюле, на лестнице, — и эта вероятность оказалась ничтожно мала, все-таки в здании проживала почти тысяча человек. Илья подумывал было даже завести себе друзей на восьмом этаже, чтобы была причина там появляться, но этажная локация — не слишком убедительный предлог для дружбы. В учебных корпусах университета все было точно так же. Да, они с Катей учились в одном здании, но все-таки факультеты у них были разные. Впрочем, случались дни, когда вероятность встретить Катю возрастала многократно. Например, когда в «Шайбе» проводили фестиваль короткометражек или когда туда приезжали с концертами рок-группы из города, вроде «Аукциона», «Телевизора» и «ДДТ». Ну и, естественно, Илья не пропускал ни одного мероприятия на Катинем факультете, среди которых главным был ежегодный день ПМПУ.

Вообще, день факультета сам по себе был впечатляющей традицией. Начать хотя бы с того, что никакой это был не день, а полная неделя. И поскольку в Петергофе находились четыре факультета, все действие растягивалось на целый месяц. Этим месяцем всегда был апрель, идеальное во всех отношениях время. Уже было достаточно тепло, и можно было снять с себя зимнюю одежду и все, что к ней прилагается: навеваемую ранними сумерками тоску, неприязнь к саботирующему положительные числа термометру и лежащую под окнами пресловутую «белую гадость». С другой стороны, до сессии оставались еще два месяца, по студенческим меркам — целая вечность.

Илья так и не смог запомнить, кто начинал первым — каждый год апрель взрывался неожиданно и сразу, как по сигналу невидимого дирижера. Скорее всего, первыми были все-таки химики, взрывы — их ипостась. После химического факультета вступал в дело физфак, ну а под конец — как и следовало царице наук — математика. Сначала прикладная, ПМПУ, а затем и настоящая — его родной матмех. И каждый

год в эти налезавшие друг на друга четыре недели апреля Илья не переставал удивляться внезапному обострению факультетского патриотизма. Студенты вдруг вспоминали, на каком факультете они учатся, и в ход шли речовки, которые в остальное время тихо дремали на задворках коллективного бессознательного. Физфаку и химфаку не слишком повезло с благозвучием, все-таки рифмовать «фак» с чем бы то ни было — занятие неблагодарное. Поэтому физики с химиками делали упор на содержании, а не на форме: «Физфак — чемпион» и «Химфак — банзай». У математиков такой проблемы не было, а потому их речовки скрепляла рифма. Лучшим, по мнению Ильи, был вариант его факультета: «Матмех — лучше всех». У ПМПУ слоган был более замысловатым: «Самый лучший в ЛГУ — факультет ПМПУ». Однако они допустили ошибку, использовав в нем название вуза, и переименование ЛГУ в СПбГУ ожидаемо помало ритмический рисунок.

Как бы то ни было, в апреле Илья видел Катю намного чаще, чем в остальное время. В ту неделю, что праздновали день ПМПУ, он не пропускал ни одного мероприятия, а сама Катя нередко появлялась и на других факультетах, например, на игре Challenge Cup, центральном событии дня физика. Но, как и любая передозировка, апрель потом долго еще аукался Илье. И в мае, нервном и неровном: сначала праздники, а уже в конце месяца зачетная неделя. И в июне с его сессией, белыми ночами и бессонницей. И дальше, в абсолютно лишенной Кати пустыне летних каникул. Каждое свое студенческое лето Илья злился на себя, давал слово, что выбросит Катю из головы, перестанет понапрасну себя изводить. Но август заканчивался, Илья возвращался в Петергоф и в первые же дни обнаруживал, что его одержимость Катей никуда не делась.

Так продолжалось до середины третьего курса, когда в новогоднюю ночь Катя Миллер неожиданно его поцеловала.

5. Проспект Просвещения

Первый пикет был на Просвете — у станции метро «Проспект Просвещения». На Беспросвете — как называл это место Илья. Глядя на облезлые многоэтажки с почерневшими от времени балконами, на беспорядочно брошенные машины, на ларьки, на грязь на тротуарах, на торговцев у метро, больше смахивающих на бомжей, трудно было поверить, что все еще находишься в Петербурге. Скорее в каком-нибудь Богом забытом областном центре, в тоскливом и неудобном, как оставшаяся далеко позади ежеутренняя детская повинность вставать ни свет ни заря и, спотыкаясь, брести в предрассветных потемках в школу. «Север города — проблемный для Собчака район, — сказал ему Марат тоном Константина Александровича. — Именно поэтому мы здесь и работаем».

В девять тридцать они встретились с Маратом в штабе, получили агитационные материалы — информационный стенд и несколько пачек листовок — и залезли в автобус, припаркованный тут же, на площади Ленина. Внутри уже находились несколько человек, и Илье не нужно было привлекать алгоритм кластерного анализа, чтобы увидеть, что активисты сидят парами. Вчерашний инструктаж не прошел даром, оде- ты все были прилично, будто на праздник, некоторые — и Марат в том числе — были в пиджаках. Сам же Илья, стоя сегодня утром перед зеркалом в брюках и светло-голубой рубашке с галстуком, поймал на себе заинтересованный Катин взгляд. «А тебе идет, — улыбнулась Катя. — В чем-то даже забавно, так сразу и не скажешь...» — «Что не скажешь?» — не понял Илья. «Что ты компьютерный гений», — ответила Катя.

Последним в автобус зашел помощник руководителя штаба Женя, необъятный и уже сейчас, с самого утра, заметно вспотевший. Он перебрисился с водителем парой фраз, двери закрылись, и автобус тронулся с места. Поначалу ехали молча, смотре-

ли в окна, на оживающий понемногу город, на прохожих на тротуарах, на магазины и автобусные остановки. То тут, то там на глаза попадались большие однотипные плакаты с Собчаком. На них мэр сидел за рабочим столом, а внизу было написано: «Мэра — в губернаторы!» Затем люди на тротуарах исчезли, началась промзона, но плакаты с Собчаком были развешаны и здесь.

— Слышал про свежий соцопрос? — спросил вдруг Марат. — Жопа полная: пятьдесят два на сорок два.

— Что пятьдесят два на сорок два?

— Пятьдесят два процента за Яковлева, сорок два — за Собчака.

Илья покачал головой и улыбнулся.

— Да ладно, Марат, социология — разве наука? Сам-то подумай: если Собчак выиграл первый тур, как у него может быть ниже рейтинг?

— А вот так. Можешь сам посчитать, ты ж у нас гений.

— Что посчитать?

— Да рейтинг этот яковлевский, — усмехнулся Марат. — Или слабо?

Илья помолчал какое-то время, что-то прикидывая в уме.

— Ну хорошо, — проговорил он наконец. — Допустим, слабо.

Марат весь даже как-то подобрался.

— Короче. Собчак набрал в первом туре двадцать девять процентов, Яковлев — двадцать один и шесть десятых. Но Яковлев шел на выборы не один, он был в коалиции с Артемьевым и Щербаковым, эти два клоуна даже сняли свои кандидатуры в его пользу. После первого тура к коалиции присоединился бывший кандидат в губернаторы Беляев, это еще четыре с половиной процента голосов. Другой кандидат, губернатор Ленобласти Беляков появился на пресс-конференции Яковлева, Артемьева, Щербакова и Беляева и заявил, что его избиратель никогда не проголосует за Собчака. А за кого избирателю еще голосовать, если во втором туре всего два кандидата? Правильно, за Яковлева. Так что девять и восемь десятых процента Белякова отойдут заместителю мэра. Та же фигня с коммунистом Севенардом, он тоже призвал голосовать против Собчака, а это еще десять процентов. Ну и, наконец, самый лакомый кусок — занявший третье место Болдырев, семнадцать процентов голосов. Болдырев до сих пор ломается, типа сохраняет нейтралитет, но он бывший «яблочник», а «Яблоко» поддержало Яковлева — Артемьев из «Яблока» состоит в коалиции с самого начала. Так что на половину голосов Болдырева — а это восемь с половиной процентов — Яковлев точно может рассчитывать. Ну а теперь сложи все это вместе и получишь те самые яковлевские пятьдесят два процента из соцопроса.

— Пятьдесят четыре и четыре десятых, — поправил Марата Илья.

— Тем более. Ну и чем социология не наука?

Илья не ответил. С выкладками Марата действительно было не поспорить, к тому же именно цифрам — в отличие от Марата — Илья привык доверять. И тем не менее все это походило на какой-то математический фокус, на хитроумный трюк, вроде парадокса об Ахиллесе и черепахе, поскольку не могло объяснить главного: как вообще можно было всерьез сравнивать Собчака и его невзрачного заместителя? И как так получилось, что никому не известный Яковлев вдруг взял и вышел во второй тур? Не Болдырев, не тот же Севенард, а Яковлев? И почему проигравшие в первом туре кандидаты пошли на поклон к этому скромному сотруднику мэрии, а не призвали своих сторонников голосовать за Собчака? Ведь одно дело, когда ты сам участвуешь в выборах, и тогда Собчак — твой прямой конкурент. И совсем другое — ставить на Яковлева уже после выхода из предвыборной гонки. Ответа на эти вопросы у Ильи не было, но он был уверен: достаточно донести до людей саму абсурдность предложенного им выбора, и никому и в голову не придет голосовать за Яковлева.

При подъезде к станции метро «Проспект Просвещения» Марат заговорил вновь, и Илье опять слышались интонации Константина Александровича:

— Значит так, Илюх. Главное, не забывать — мы здесь, чтобы информировать людей. Отдать листовки тем, кто возьмет. Ответить на вопросы, если спросят. Все. И постараться не реагировать на провокации. А они обязательно будут, публика здесь та еще, пару раз чуть до мордобоя не дошло. Короче — если сомневаешься, делай, как я.

Когда они прибыли на место, Марат установил стенд на тротуаре недалеко от станции метро и вскрыл запечатанные пачки с листовками. На стенде были фотография Собчака и уже знакомый Илье слоган «Мэра — в губернаторы» с подзаголовком «Другие обещают, мэра — делает». Тут же — очень кратко — перечислялись основные достижения мэрии Санкт-Петербурга и лично Собчака за последние пять лет. Илье взял себе несколько листовок из разных пачек и бегло их просмотрел. «Обращение к молодежи Петербурга». «Олимпиада — это новые квартиры, новые дороги, новые рабочие места». «Добро пожаловать!» («Звоните в мэрию!»). Илье хотел было спросить Марата, при чем здесь олимпиада, но передумал.

Наконец все приготовления были завершены, в голове у Ильи непонятно откуда возникло, но тут же пропало немецкое слово *Vorbereitung*¹. Они с Маратом встали по разные стороны от стенда, каждый держал в руках несколько листовок. Пора было начинать, и только в этот момент Илье понял, насколько сильно волнуется. Только сейчас он смог наконец сформулировать, на что это больше всего похоже. На публичное раздевание — вот на что, прямо здесь, посреди выходящего из метро потока людей. Такой вот добровольный акт самообнажения, громкое, во весь голос заявление. Пока ты молчишь, пока ничем не выдаешь себя, ты невидимка. Но как только решился выделиться из спешащей мимо толпы, и неважно даже чем — цветом волос, пьяным выкриком или же, как сейчас, листовкой в поддержку Собчака — все, ты пропал, стал болезненно уязвимым. Хотя бы потому, что невольно заставил окружающих определяться в отношении тебя.

— Вор ваш Собчак, вот и все. Тюрьмы испугался, гнида. Ну ниче, шас вылетит из мэров и сядет, Яковлев не будет покрывать этого пидараса, — Илье не раздал еще ни одной листовки, а толпа у метро — в лице сутулого помятого мужичка за пятьдесят с бутылкой пива в руке — уже отреагировала на портрет Собчака на стенде. Причем сказано это было походя и почти беззлобно, просто как констатация очевидного, само собой разумеющегося факта. Вроде как плюнул и пошел себе дальше. Илье встретился взглядом с усмехнувшимся Маратом: «Ну, что я тебе говорил?»

Марат отвернулся от Ильи, протянул листовку в толпу и громко сказал:

— Во втором туре голосуйте за Анатолия Собчака!

Илье последовал его примеру и уже через полчаса почувствовал себя намного уверенней. Марат был прав, они здесь информируют жителей города, нужно исходить из этого, так проще. И да, социология все-таки оказалась наукой, количество настроенных против Собчака людей хоть и поразило Илью, но вполне укладывалось в низкий рейтинг мэра.

На исходе второго часа Илье выстроил для себя алгоритм, который позволил ему свести конфликтные ситуации к минимуму. Ключом здесь была интеллигентность проходивших мимо людей, Илье неплохо научился оценивать ее по выражению лица и одежде. И еще, как ни странно, рост — любой, кто был выше него, получал небольшую, но очень важную в глазах Ильи фору. Не подходившим под эти критерии прохожим Илье просто не предлагал листовку и тем самым практически исключил нецензурную брань в свой адрес.

¹ Подготовка (нем.).

Впрочем, иногда попадались и вполне вменяемые критики действующего мэра. Ближе к концу дежурства у их стенда остановился пожилой, похожий на отставного военного мужчина в серой безрукавке поверх поношенной, но чистой рубашки. Он так долго и внимательно изучал агитматериалы, что Илье с Маратом пришлось к нему подойти.

— Я так посмотрю, парни, вы тут за Яковлева агитируете, — сказал мужчина, бесцеремонно ткнув пальцем в фото Собчака.

— Почему же за Яковлева, дедуль? — усмехнулся Марат.

— А ты мне тут не дедуль, понял? — тотчас ошетинился мужчина. — Кто жилье строил? Яковлев. Кто дороги, тротуары? Тоже Яковлев. Вон сам читай: шестнадцать тысяч коммуналок расселено, семьдесят две тысячи квартир построено, шестьсот двадцать шесть километров дорог и тротуаров...

— Так ведь Яковлев — заместитель Собчака, — возразил ему Илья. — Собчак руководил, Яковлев — исполнял.

— Э, молодые вы еще, зеленые, совсем вам мозги запудрили. — Мужчина в безрукавке посмотрел на Илью как на умственно отсталого. — Да если бы Собчак Яковлеву не мешал, тот бы еще больше всего сделал. Этот-то только по фуршетам своим ходить умеет...

Не успел мужчина отойти от стенда, как перед Ильей с Маратом возник новый персонаж — дородная женщина с симпатичным нагловатым лицом, которое портили излишки косметики и второй подбородок. Илья почему-то сразу окрестил ее продавщицей — такой очень характерный, узнаваемый типаж, который можно встретить за прилавком в любом продуктовом магазине. Марат же, увидев ее, заметно напрягся: в руках у женщины были листовки. «Продавщица» с деланным интересом постояла какое-то время перед стендом, затем повернулась к Илье с Маратом.

— Мэра в губернаторы, ребята, да? Ну-ну, — она сунула в руку ничего не подозревающего Ильи листовку и тотчас ретировалась.

Илья развернул сложенный пополам лист бумаги. Это была стилизация под агитационные плакаты мэра, развешанные по всему городу, только Собчак сидел здесь не за рабочим столом, а за обеденным, плотно заставленным тарелками с едой. Тут же, на столе, лежал небольшой конверт, видимо, с деньгами.

Подпись гласила: «Мэра — в метрдотели».

6. Катя

Новый год в общежитии — это Новый год в общежитии. И все, что происходит здесь в новогоднюю ночь, уже не повторится — ни с кем нигде и никогда. Мало кто из обитающих там прямо сейчас отдает себе в этом отчет, но осознание придет, и придет оно слишком поздно, как и положено осознанию. Студенты в конце концов получают свои дипломы или же не получают, но так или иначе все они покинут Петергоф, расширят свои горизонты, одновременно сузив себя до взрослой, обвешанной обязательствами жизни. И годы спустя вдруг обнаружат, что ни у кого из них с тех самых пор ни разу не случилось праздника такого размаха. Такого замаха, такого вдоха без выдоха, когда с боем курантов несколько тысяч человек в едином порыве выбегают на улицу, в ночь и мороз, в самый центр очерченного общежитиями круга, за пределы которого не вырваться, как ни убегай, как ни напивайся. И где бы ты ни оказался на свой следующий Новый год, в какую бы экзотическую страну ни уехал, в какую бы простоту ни ударился, все будет немного не то и немного не так. Не так, как тогда, в заснеженном Петергофе, когда небо было выше, алкоголь пьянее, а сердца безрассуднее и быстрее.

Новый, 1994 год Илья Субботин встречал у друзей на четырнадцатом этаже. Было много водки, но еще больше было всеобщего возбуждения — праздник дозревал, разбухал в каждой комнате, чтобы в полночь полыхнуть и разнести к чертям старый год. Из коридора и с улицы доносились крики самых нетерпеливых, но большинство пока сидело по комнатам небольшими компаниями — выпивали, закусывали, охлаждали в морозилках бутылки шампанского, сдерживая дрожь предвкушения в потеющих ладонях. Наконец пробили куранты, и студгородок накрыла оглушительная шумовая волна — кричали в сотнях комнат одновременно, во всю глотку, во всю свою беспечную молодость. Каких-то десять-пятнадцать минут нового года, и праздник вступил в главную фазу: торопливо одевались, не попадая в рукава и проемы дверей, доставали из холодильников запасы шампанского, не глядя хватали со столов бутылки спиртного. И покидали ставшие вдруг тесными комнаты, не зная, не желая знать ничего о своем будущем: вернется ли хоть кто-то из них сюда этой ночью? Или же все поголовно проснутся там, где никогда не бывали — на другой планете, в параллельной вселенной, на обратной стороне неизвестно чего?

Шумные компании сновали между этажами, выбегали на мороз в центр студгородка, шли в соседние общежития поздравлять друзей и знакомых. А также малознакомых и совсем незнакомых, вообще всех подряд: в новогоднюю ночь у каждого было право поздравить любого — любого, кто встретится на пути. И если бы здесь вдруг отыскался кто-нибудь трезвый, он бы услышал, как с характерным металлическим скрежетом у окружающих отказывают тормоза. Но такого человека не было, и все больше и больше пьянеющий Илья ходил с друзьями из общежития в общежитие, чокался, поздравлял, обнимался, кричал. Ближе к часу ночи они зачем-то решили вернуться к себе на четырнадцатый этаж — стремительно раскручивающейся спирали веселья причина была уже не нужна. Лифта ждать не стали, все, не сговариваясь, двинули вверх по лестнице: энергия требовала выхода, и подъем на последний этаж — не самый плохой вариант. Илья сумел подняться только до пятого этажа, именно здесь они столкнулись со спускающейся им навстречу группой студентов ПМПУ. Снова начались объятия, крики, поздравления, глухие удары полупустых бутылок шампанского друг о друга — завершающие аккорды спонтанных новогодних тостов. Две компании на время стали одной, перемешались, слились воедино. Илья поднимался последним, какое-то время он оставался на периферии людского круговорота, а когда уже собрался ступить в самую гущу толпящихся на лестничной площадке, неожиданно увидел Катю. Это была ее компания, это она в сопровождении друзей спускалась по лестнице. На Кате была красная спортивная куртка с меховым капюшоном и вязаная шапка, из-под которой выглядывали длинные пряди светлых волос. Катя встретилась взглядом с Ильей, и он тотчас обездвижел, превратился в статую. Это продолжалось всего пару мгновений, и вдруг Катя, не отводя от Ильи глаз, пошла прямо на него. Илья вздрогнул, сделал произвольный шаг назад и воткнулся в кирпичную кладку стены, больно ударившись затылком. Катя усмехнулась, едва заметно, одними глазами, и вдруг впиалась в его губы. Илья почувствовал ее язык у себя во рту и тотчас протрезвел.

Десять минут спустя — хотя нет, Илья понятия не имел, сколько времени прошло, — он все так же стоял на площадке пятого этажа. Затылок саднило от удара о кирпичную стену, в ушах звенело от стремительного и полного протрезвления, а на губах истончался карамельный вкус Катиной помады. Его друзья давно ушли наверх, никто не заметил потери бойца, Катя же вместе с компанией спустилась в вестибюль и покинула общежитие.

«Ну и что мне теперь делать? — думал Илья. — Идти ее искать? Чтобы что? Да и куда идти?» С минуты на минуту в студгородке должны были начаться дискотеки, глав-

ная — в «Шайбе», но и в каждом общежитии устраивали альтернативный центр притяжения со светомузыкой и многоваттными колонками. Илья вышел на улицу, посмотрел по сторонам, помедлил и сделал совершенно невозможное в новогоднюю ночь: вышел за пределы студгородка, разомкнул центростремительную силу выстроившихся идеальным кругом многоэтажек.

Он дошел до факультета и потом еще дальше — до совершенно безлюдной сейчас станции. Постоял в одиночестве под молочными фонарями на заснеженной платформе. На одиноком островке цивилизации посреди казавшегося бескрайним зимнего леса. И все думал, думал, думал...

Ну и что тут, собственно, такого? Это новогодняя ночь, мало ли кого она еще сегодня целовала. Это ничего не значит, совсем ничего. А ты что, действительно думал, что находишься в сказке? Надеялся, что превратишься в принца от одного ее поцелуя? Прямо под Новый год? Нет, не думал. И не надеялся. Тогда что? Нет, правда, что? Думаешь, у тебя в самом деле сегодня был шанс? Тогда почему ты не попытался ее удержать? Прижать к себе, поцеловать еще раз. Не ожидал? Не был к такому готов? Столько времени думал об этом — и оказался не готов? И что теперь делать? Как теперь с ней встречаться? Как смотреть ей в глаза?

Илья бродил по округе до тех пор, пока не замерз, но так ни до чего и не додумался. Он вернулся к себе в комнату и решил досрочно завершить новогоднюю ночь. А спустя несколько дней получил ответы на все свои вопросы. Какой бы ничтожной ни была вероятность встретить в общежитии Катю, флуктуации все же случались. И однажды лифт, на котором в одиночестве спускался Илья, остановился на восьмом этаже, и в него зашла Катя. Сердце дернулось резко и совершенно против воли, и Илья покраснел — от неожиданного появления Кати и еще от того, что та была на каблуках. Тем не менее он все-таки заставил себя ей кивнуть. Катя мазнула по Илье взглядом, невнимательно, как по примелькавшемуся неодушевленному предмету, и сразу же отвернулась. Лифт добрался до первого этажа и остановился, дверцы со скрежетом разошлись в стороны, и Катя вышла из кабины. А за ней, чуть помедлив, задыхающийся, готовый провалиться — если не сквозь землю, то хотя бы на дно шахты лифта, — шагнул в вестибюль Илья Субботин. Пережитое в лифте крушение было настолько полным и окончательным, что он даже не попытался разобраться, что же расстроило его больше. То, что Катя не вспомнила ни его, ни их новогоднего поцелуя, или же что на каблуках она оказалась настолько выше него ростом.

7. Тихорецкий проспект

На следующий день после первого пикета Илья с Маратом разносили листовки по квартирам. Им достался огромный квартал на Тихорецком проспекте, неподалеку от станции метро «Политехническая». На утреннем инструктаже Константин Александрович предупредил, что нельзя просто разложить листовки по почтовым ящикам, нужно обязательно обойти все квартиры и, где возможно, лично вручить агитматериалы.

— И учтите, — сказал Константин Александрович, — штаб будет выборочно обзванивать квартиры и проверять, проводилась ли агитация. За время кампании мы отработали надежную систему контроля, и обойти ее у вас не получится.

Когда их высадили из автобуса на Тихорецком проспекте, Марат быстро сориентировался по выданной в штабе карте квартала, и они направились к первой многоэтажке. Тяжелая раздутая сумка с листовками больно давила на плечо и билась о ногу при каждом шаге. Илья посмотрел на Марата и неожиданно узнал еще об одном преимуществе высокого роста: из-за того, что Марат был заметно выше, перекинутая через плечо сумка не путалась у него в ногах и не мешала идти. Марат словно услышал эти

его мысли, повернулся к Илье, похлопал по сумке и сказал: «Ничего, Илюх, с каждым подъездом будет легче и легче». Илья хотел было ответить что-нибудь саркастичное про нетривиальность сделанного Маратом умозаключения, но не успел — они как раз подошли к подъезду пятиэтажной хрущевки.

Марат поколдовал пару секунд с кодовым замком, дернул за ручку двери, и они вошли в подъезд. Илья с облегчением поставил сумку на пол, помассировал саднящее плечо. Марат вытащил из своего баула несколько листовок, Илья последовал его примеру. Лифта в доме не было, и все то время, что они поднимались по лестнице на последний этаж, Илья выслушивал лекцию Марата про кодовые замки. Марат рассказал, что нужные кнопки выглядят чуть более стертymi, чем остальные. И что еще нужно смотреть на боковые цилиндрические поверхности — от частых нажатий они становятся блестящими. «Но если замок совсем новый, то все это не работает, — сказал Марат, — и приходится ждать, когда кто-нибудь выйдет из подъезда».

Наконец они добрались до пятого этажа. Немного отдышавшись, Марат сказал:

— Короче, Илюх. Твои квартиры четные, мои нечетные. Звонишь в дверь, если спрашивают: «Кто?», здороваешься и говоришь, что ты из группы поддержки кандидата в губернаторы Анатолия Собчака. Если дверь открывают, вручаешь листовки. Для тех, кто не открыл или кого нет дома, оставляем листовки в дверях. Ну и в конце раскладываем их по почтовым ящикам на первом этаже. Ну что, погнали?

Все-таки было во всем этом что-то противоестественное, и Илья сумел даже сформулировать, что именно: вторжение в чужое личное пространство — вот что. Одно дело, когда тебе пытаются вручить листовку у метро, там можно просто отвернуться, проигнорировать агитатора, и все. И совсем другое, когда этот самый активист приходит к тебе домой, появляется на пороге твоей — и только твоей — территории. Илья без труда представил себе, что бы он почувствовал, если бы позвонили в дверь их с Катей квартиры. Раздражение — вот, наверное, самая естественная реакция. Особенно если это были бы люди из группы поддержки Яковлева. Поэтому не было ничего удивительного в том, что открывали им очень неохотно. Чаще просто отвечали через дверь, довольно грубо, иногда нецензурно, называли ворами-домушниками, даже угрожали вызвать милицию. А когда дверь все-таки открывалась, Илья иногда ловил себя на мысли, что лучше бы никого из этих людей не было дома. «Не хрен здесь шататься постоянно, ящики все уже засрали макулатурой этой, сначала прутся со своими листовками, а потом еще звонки эти по телефону непонятные, задолбали уже». У одной из квартир Илья застрял чуть ли не на десять минут. Именно столько дотошная, но при этом невидимая пенсионерка через приоткрытую — на цепочке — дверь расспрашивала его о Собчаке, а под конец демонстративно отказалась от листовок и объявила, что голосовать будет все равно за Яковлева.

Нет, конечно, попадались и вполне адекватные люди — те, кто был вежлив, кто спокойно выслушивал Илью, брал листовки и даже благодарил. Илья попытался было придумать алгоритм, чтобы по одной только входной двери понимать, что за избиратель обитает в квартире, однако у него ничего не вышло. К примеру, было очевидно, что металлическая дверь — показатель достатка. Но кто конкретно скрывается за ней? И за кого он проголосует? Если это бизнесмен или же человек с образованием и высокооплачиваемой работой, то, скорее всего, за Собчака. Но если за дверью обнаружится прораб или товаровед, то это уже яковлевский избиратель. Обшарпанная деревянная дверь тоже ни о чем не говорила, за ней могли оказаться как пролетарии-алкаши, так и обнищавшая в перестройку интеллигенция. И вообще, оказалось, что в подъездах вообще нет двух одинаковых дверей, каждая хоть немного, да отличалась от остальных. Илья никогда об этом не задумывался и поначалу удивлял-

ся дверному разнообразию, но под конец дня это мельтешение начало его утомлять. И ему захотелось, чтобы все двери в городе были выкрашены всего в два цвета — за Собчака и за Яковлева.

Когда дома в квартале закончились, а сумки с листовками — как и обещал Марат — сдулись и стали совсем невесомыми, они купили по бутылке пива и уселись на скамейке напротив трамвайного кольца. Илья чувствовал себя настолько уставшим, что ему не хотелось даже говорить. Особенно гудели ноги — всего в нескольких домах был лифт, в основном же приходилось подниматься на верхние этажи пешком. И в то же время Илья понимал, что усталость эта хорошая. В чем-то даже приятная, как после тяжелой, на совесть сделанной работы. Ведь были же сегодня те, кто выслушал его и взял листовки. А значит, день прошел не зря.

Илья видел, что Марат тоже устал, хоть и не преминул выдать очередную банальную сентенцию: «Обход квартир — тяжелая работа, поэтому-то его и чередуют с пикетами». Илья не стал ничего отвечать. Он пил холодное горчащее пиво, курил, смотрел на Тихорецкий проспект, на тупорылые электрифицированные вагоны на кольце, а в голове сама собой звучала группа «Сплин»:

Лестница, десять пролетов,
Каждый изучен до боли.
Трамваи забиты людьми,
Но я не чувствую локтя.
Я еду в облачный край
К Санкт-петербургскому небу².

8. Олег Рудаков

Несколько тысяч обитателей студгородка в Петергофе представлялись Илье чем-то вроде двуликого Януса. Белый шум, статистически неумолимая однородность больших чисел каким-то образом сосуществовала с индивидуальной выпуклостью каждого живущего здесь человека. С одной стороны, такое количество людей сводило к нулю его шансы случайно столкнуться с Катей. С другой же — позволяло завести самые невероятные знакомства.

Одним из таких уникалов был Олег Рудаков, легенда факультета прикладной математики — процессов управления, личность, известная едва ли не каждому в студгородке. Первый раз Илья увидел его, когда тот выступал на вечере песни ПМПУ, и это выглядело как явление звезды рок-н-ролла на утренник в детском саду. После десятка невнятных мальчигов с гитарами, старательно зажимавших аккорды дрожащими от волнения пальцами, вышел Олег. Он ничего еще даже не спел, просто вышел, но Илья сразу же ощутил, как в зале стало тесно от статического напряжения, увидел, как все вокруг притихли, особенно девушки, которых на факультете ПМПУ было большинство. Олег был в черном костюме, пиджак был надет на темно-синюю водолазку, и этот академически строгий вид намеренно контрастировал с длинными волосами, с серьгой в ухе и с небрежно прочерченной полуулыбкой на слегка вытянутом, небритом лице. Поваяло одновременно Джимом Моррисоном и группой «Гражданская оборона». Олег уселся на стул, поправил микрофоны — один для гитары, другой для вокала, — секунду помедлил, словно к чему-то прислушиваясь, и провел пальцами по наэлектризованному от сгустившегося ожидания струнам. Не прошло и минуты, как зал уже безоговорочно принадлежал ему одному, люди раскачивались в такт кружившим над головами аккордам, и Илья даже не вполне понимал, о чем Олег поет, — слиш-

² «Санкт-Петербургское небо» (Александр Васильев, группа «Сплин», 1994).

ком уж все происходящее походило на коллективное помешательство, на какой-то гипнотический шаманский ритуал. Илья с трудом оторвался от сцены и отыскал в зале Катю — та, не отрываясь, смотрела на Олега, и ее губы помимо воли повторяли рубленные рифмованные строчки припева.

Как это часто бывало с Ильей, однажды увидев заинтересовавшего его человека, он начинал повсюду с ним сталкиваться. Илья объяснял это тем, что и раньше встречал Олега, благо тот жил этажом ниже, просто не знал, кто он такой. Правда, с Катей это почему-то не работало, но с Катей много чего не работало, и Илья предпочитал не ломать голову еще и над этим. Познакомились они с Олегом на дне рождения общих знакомых — своего рода стандарт для обитающих в общежитии. Все были уже пьяные, когда пришел Олег, тоже пьяный, в джинсах и тельняшке, с гитарой, но уже не способный взять ни одного аккорда. День рождения затянулся на два долгих дня, праздник перемещался по этажам и компаниям, и к концу второго дня Илья много чего узнал об Олеге Рудакове.

Жизнь, которую вел Олег, была перпендикулярной всему, что Илья видел до сих пор в университете. Он знал людей, целиком посвятивших себя учебе, и далеко не всегда это были самые одаренные или способные. Скорее, наиболее старательные — те самые отличники, шагнувшие из школы в вуз, но так и не повзрослевшие, так и не сумевшие — или не захотевшие — сменить паттерн поведения. Правда, таких было немного, большинство же использовало университет по его прямому назначению: студенты обрастали знакомствами и связями, самыми разнообразными и неожиданными, и постепенно, с третьего-четвертого курса уходили в зарабатывание денег, построение карьер и еще бог весть чего. Ну и был Олег Рудаков.

Олег сочинял песни. Как и положено, у него была своя рок-группа, однако выступал он почти всегда один — никто из его друзей толком не владел ни одним инструментом. Впрочем, Олега это нисколько не смущало — его группа играла панк. Как известно, говорил Рудаков, у Сида Вишеса не было слуха, на его бас-гитаре была одна-единственная струна, но это не мешало ему стать одним из величайших рок-музыкантов планеты. На вопрос же, почему именно панк, у Олега был простой и изящный ответ. Здесь, в Петергофе, говорил Олег, и невозможно играть что-то еще. Потому что само это место называется «Петродворцовый учебно-научный комплекс», сокращенно ПУНК. Если переписать эту аббревиатуру английскими буквами, получится PUNK, — вот, собственно, и все. У Олега вообще была тяга к английским словечкам, у него даже группа называлась «Down Drive», причем он и сам толком не мог объяснить, что это значит, лишь пожимал плечами: «Звучит очень круто». Любимыми группами Олега были «Гражданская оборона» и «Нирвана». Хотя нет, не так: «Нирвана» и «Гражданская оборона», поправлял сам себя Рудаков.

Помимо сочинения песен и панк-группы, у Олега была склонность к алкоголю, давным-давно ставшая легендарной на факультете и стоившая ему двух отчислений, которые всякий раз удавалось свести к академическому отпуску. И не то чтобы Олег постоянно пил — напротив, у его запоев был четкий, словно бы заранее продуманный ритм. Периоды высокоградусных танцев на радуге чередовались с похмельным умиротворением, и именно в такие периоды — по признанию Олега — он и сочинял свои песни. При этом Рудаков не употреблял наркотики и совершенно не терпел их в своем окружении. Говорили — правда, полусепотом и за спиной, — что младший брат Олега погиб от передозировки. Так это было или нет — неизвестно, но только Олег вел себя подчеркнуто агрессивно по отношению к любому, кто был замечен в употреблении чего-либо, помимо алкоголя. По слухам, Рудаков даже приложил руку к закрытию подпольной лаборатории на химфаке — студентов, синтезирующих в свободное

от учебы время «кислоту», взяли с поличным прямо на факультете, после чего в общежитиях начались регулярные милицейские облавы, а в студгородке на несколько месяцев пропали любые вещества.

Все произошло буднично и как-то между делом. Илья, на правах приятеля, зашел однажды к Рудакову. Тот ссутулившись сидел на кровати посреди разгромленной, усыпанной окурками комнаты и что-то наигрывал на гитаре. На соседних кроватях прямо в одежде спали незнакомые Илье люди, очевидно соучастники недавнего пьяного веселья и по совместительству — очередной состав панк-группы Рудакова. Илья посидел, послушал, посмотрел, какие аккорды берет Олег. Затем поднял с пола валявшуюся тут же, в углу, гитару и попробовал ему подыграть. В небольшом районном центре, где вырос Илья, не было музыкальной школы, но при ДOME пионеров работал кружок игры на гитаре, и он несколько лет прилежно туда ходил. Правда, особых умений от Ильи здесь не потребовалось — Рудаков использовал всего несколько базовых аккордов, которые повторялись по кругу. Услышав вторую гитару, Олег вскинул брови, но ничего не сказал, продолжив играть. Через несколько минут он остановился, пробормотал: «Подожди-ка» — и достал из-под кровати длинный потертый чехол, в котором обнаружилась бас-гитара. «Урал», — со значением произнес Рудаков, передавая инструмент Илье. Бас-гитару подключили к стоявшему на столе катушечному магнитофону «Маяк», Илья взялся за непривычно узкий и длинный гриф, зажал между пальцами тонкую пластину медиатора. Олег перекинул через плечо ремень своей гитары, негромко отсчитал, выстукивая пальцами по корпусу: «Три-четыре», и Илья повторил только что придуманную им партию на толстых неподатливых струнах. Громкость на магнитофоне оказалась выкручена в максимум — ухнули, задребезжав, немытые оконные стекла, спавшие в комнате люди в испуге повскакивали с кроватей, а в ПУНКе наконец родилась собственная панк-группа.

С тех пор в жизни Ильи Субботина появилось еще одно измерение — группа «Down Drive». При этом Илья был одновременно и бас-гитаристом, и менеджером, и даже — спонсором группы. Из всех приятелей Рудакова он единственный был при деньгах — благо очередь из желающих расстаться с рублевой наличностью за пару сотен строчек программного кода для курсовой работы никогда не иссякала. Илья купил еще одну электрогитару, несколько «примочек», до неузнаваемости искажавших гитарный звук, микшерский пульт и усилитель, качественный микрофон, а также драм-машину — ударная установка оказалась чересчур громоздкой для комнаты в общежитии. Поэтому Илья не без труда уговорил Рудакова попробовать обойтись без нее, приведя в пример группу «Кино». Естественно, программировать драм-машину тоже пришлось Илье — как только Олег услышал, что ее нужно «программировать», никаких других вариантов у него не осталось. Илья с головой ушел в ритм-секцию, в своего рода каркас любой песни, и даже написал программу, которая — на основе аккордов, что использовал Олег, — сгенерировала все возможные партии бас-гитары. Довольный собой, он рассказал об этом Рудакову, но тот неожиданно вышел из себя и прямо в комнате устроил сожжение принесенной Ильей компьютерной распечатки, заявив, что не позволит бездушным алгоритмам подмять под себя живое творчество. Илья не стал спорить, хоть и остался при своем: как бы ни противился Олег, именно бас с ударными неплохо укладывались в пресловутые алгоритмы. Ведь сколько ни воспевай, сколько ни романтизируй сердце, его биение все равно следует определенным математическим паттернам, прекрасно различимым на электрокардиограмме.

Разногласия разногласиями, но именно Илья был локомотивом, толкавшим группу Рудакова вперед, к их первому электрическому концерту. Как раз в те самые дни в начале января, когда Катя Миллер сначала поцеловала Илью, а потом благополуч-

но об этом забыла, встал вопрос об организации выступления группы. Очень скоро подвернулся и подходящий случай: на апрель, когда студгородок снова начнут сотрясать дни факультетов, в «Шайбе» был запланирован музыкальный фестиваль студенческих рок-групп. И вписать туда группу «Down Drive» Илье не составило никакого труда: когда организаторы узнали, что Рудаков все-таки собрал электрический состав, вопрос решился сам собой.

До апреля оставалось не так много времени, и все оно ушло на то, чтобы довести до ума десяток песен Рудакова. В группу был рекрутирован еще один человек, шуплый первокурсник Иван, он должен был играть на соло-гитаре, а также управлять запрограммированной Ильей драм-машиной. Олег Рудаков теперь все время находился в состоянии болезненного возбуждения, он отчего-то вбил себе в голову, что это будет единственное электрическое выступление группы, и вел себя как человек, поставивший все до единого сбережения на zero — весь свой драйв, свой сон, свои нервы и даже, казалось, рассудок. Олег непрерывно изобретал все новые и новые аранжировки, нисколько не заботясь о том, что каждое такое изменение требовало от группы многочасовых репетиций. Песнями, впрочем, дело не ограничивалось — Рудаков подолгу объяснял, как и что Илье с Иваном должны делать на сцене. Апофеозом их выступления — по замыслу Олега — должна была стать девятиминутная монументальная композиция «Упал — не встать», причем первые три из этих девяти минут были отведены под постепенное нарастание шумового вала из «грязных» перегруженных гитар и баса. Однажды Рудаков принес на репетицию новую идею. «Будет очень круто, — сказал Олег, — если в начале песни Илюха и вправду упадет и будет лежать до самого конца». Идея понравилась, и отныне на прогонах композиции «Упал — не встать» Илье играл на бас-гитаре, лежа на полу, благо партия баса была совсем несложной: четыре ноты, расфасованные в шестнадцать тактов.

Наконец наступил вожделенный апрель. Как и положено, первым отгремел день химика, следом вот-вот должен был вступить физфак, но тут произошла настоящая катастрофа: восьмого апреля в собственном доме в Сизтле было обнаружено тело Курта Кобейна с простреленной головой. Самоубийство лидера группы «Нирвана» раздавило Олега Рудакова — он перестал с кем-либо разговаривать, пил в одиночестве водку и плакал. Это продолжалось несколько дней, и чем ближе был фестиваль в «Шайбе», тем призрачнее становились шансы, что выступление группы состоится. Никакие увещевания на Рудакова не действовали, к тому же его не всегда даже удавалось теперь отыскать, Олег сутками пропадал неизвестно где — по слухам, чуть ли не в деревне Тимяшкино, заповедной территории, бок в бок примыкавшей к студгородку, куда по ночам студенты ходили за водкой. И когда Илье уже окончательно попрощался с концертом, Рудаков вдруг сам появился под утро к нему в комнату. «Change of plans, — сказал Олег, заплаканный и пьяный, но при этом непривычно, до остервенения решительный, — первой будем играть песню „Нирваны“». «Да хоть „Ласкового мая“», — подумал Илье, разглядывая восставшего из пепла Рудакова.

В следующие два дня они лихорадочно разучивали композицию «Lithium» группы «Нирвана» — по замыслу Олега первым на сцену должен был выйти Илье и целых две минуты не останавливаясь повторять по кругу знаменитую партию бас-гитары, что звучит между вторым и третьим куплетами песни «Lithium». И в тот момент, когда к Илье присоединятся остальные участники группы, звукорежиссер должен будет поставить дорожку с кобейновским вокалом: в память о Курте Кобейне Рудаков собирался ни много ни мало сыграть вместе с погибшим фронтменом «Нирваны».

Наконец наступил день фестиваля в «Шайбе». Как всегда, неидеальность мира столкнулась с идеальными представлениями о том, как все должно быть устроено, и с самого утра начались накладки. Сначала на сцене что-то коротнуло, и основной усили-

тель студенческого дворца культуры вышел из строя. Были срочно вызваны спецы с кафедры радиофизики, которые за пару часов сумели все починить, но подготовка к фестивалю выпала из графика и больше в него не возвращалась. Неожиданно выяснилось, что организаторы включили в программу еще одну группу, и это обнулило все достигнутые ранее договоренности о том, кому в каком порядке выступать. Потом группы по очереди настраивали звук, и почти у всех на это ушло больше времени, чем планировалось. Так что когда дело дошло до группы Рудакова, выступавшей последней, в зал уже ломились нетерпеливые зрители. Олег долго ругался со звукорежиссером, но в конце концов признал, что все звучит близко к тому, как надо. Ну или вынужден был признать.

Концерт начался, ведущий вышел на сцену и объявил первую группу. Илья из-за кулис рассматривал забитый до отказа зал — люди стояли в проходах, сидели на ступеньках, толпились в пространстве между первым рядом и сценой — и чувствовал, как постепенно все внутри него скручивается в склизкий резиновый жгут. Он отыскал Рудакова и отхлебнул водки из бутылки, к которой Олег прикладывался с самого утра. Илье полегчало, правда, совсем ненадолго. Так что спустя полчаса пришлось повторить инъекцию смелости. Затем еще раз. И еще несколько раз — уже после того, как Рудаков сбежал за новой бутылкой. Фестиваль шел своим чередом, приступы паники накатывали методично, словно приливы и отливы, и Илья совершенно пропустил момент, когда количество неожиданно перешло в качество: появилась приятная легкость в руках и ногах, приподнятое — пусть и чересчур высоко — настроение плюс непоколебимая вера, что все у него получится. И если бы за кулисами на Илью постоянно не налетали какие-то люди, все было бы вообще замечательно.

Когда объявили группу «Down Drive» и Илья, пошатываясь, вышел на сцену, он уже чувствовал себя повелителем мира — в рваных джинсах, в такой же, как у Рудакова, тельняшке, в одолженных у знакомых ботинках-мартинсах, делавших его заметно выше, хоть в последние часы он вообще забыл про свой рост. Илья воткнул штекер в тотчас угрожающе зафонившую бас-гитару, улыбнулся сам себе, посмотрел в притихший зал и извлек несколько нот. По залу прокатился гул — тот самый ропот узнавания, когда подсознательно все уже поняли, что за мелодию слышат, но рассудок до последнего не желал признавать, что это действительно может быть правдой. «Все-таки гениальную вещь придумал Рудаков», — подумал Илья, глядя на устремленные в его сторону сотни глаз. И словно закрепляя первое впечатление, он все повторял и повторял на бас-гитаре проигрыш из «Lithium», так что к тому моменту, когда на сцену выбежали Рудаков с Иваном, публика уже совершенно созрела. И как только из динамиков раздался голос вокалиста «Нирваны», все в зале вскочили со своих мест и принялись скандировать вслед за Куртом Кобейном:

I'm so happy,
'cause today I found my friends.
They're in my head.
I'm so ugly...³

Когда отыграли «Lithium», Илья сделал большой глоток из бутылки водки, которую пронес с собой на сцену Рудаков, и вдруг рухнул, провалился с головой в темную тяжелую воду. Где-то там, у поверхности, приглушенно бухали ударные с бас-гитарой, монотонно выводил строчку за строчкой Олег, но сам Илья уже не принимал в этом никакого участия, расслабленно поднимаясь и опускаясь в едва заметно отличающихся температурой слоях воды. Илья не знал, сколько времени он провел в таком состо-

³ «Lithium» (группа «Nirvana», 1991).

янии, а когда наконец вынырнул на поверхность, то обнаружил, что все еще стоит на сцене. И что, судя по реакции зала, все сыгранное им до сих пор пошло на ура. К Илье подбежал Рудаков и что-то ему крикнул. Илье не расслышал, переспросил, и в этот момент заработала драм-машина, замолотила запрограммированная Ильей отбивка. Включился большой барабан, Рудаков опять что-то крикнул Илье и вдруг с силой толкнул его в грудь. Илье потерял равновесие, совсем чуть-чуть, и неожиданно для себя опрокинулся на спину, с размаху больно ударившись головой о колонку. Под остервенелое громохание одиноких ударных Рудаков подошел к микрофону и отчетливо проговорил в замерший в недоумении зал: «Упал — не встать». Эта фраза ничего не сказала зрителям, зато смогла запустить в Илье нужный алгоритм, доведенную до автоматизма на репетициях память тела. Илье нащупал струны на бас-гитаре, в обнимку с которой упал, пальцы сами собой двинулись вдоль грифа, и у застрявшей между жизнью и смертью песни наконец появился пульс. За ожившей ритм-секцией подтянулись гитары, и спустя несколько мгновений Илье услышал где-то рядом с собой — чуть ли не в себе — гипнотизирующий голос Олега Рудакова:

Упал — не встать, упал опять.
Упал, упал. Упал — плевать.
Болезнь прошла, симптомы те же.
И пусть не сразу, и пусть все реже.

Больше Илье ничего не помнил. Ни как доиграл до конца песню, ни как его руки отдирали от бас-гитары, ни как его уносили со сцены под овации, свист и крики. А когда очнулся — спустя столетия в незнакомой комнате на незнакомой стороне луны, то первое, что увидел, — это сидящую напротив него Катю.

9. Рынок

Хуже раздачи листовок у метро может быть только пикет у рынка. Метрополитен универсален, им пользуются все, а значит, возле станции метро можно встретить кого угодно. С рынком все по-другому, рынок привередлив, он словно магнит притягивает к себе одних только избранных, и избранные эти Илье не нравились. Какие-то безразмерные тетки с авоськами, набитыми продуктами и раздражением. Какие-то мутные, снующие повсюду личности. Вороватого вида персонажи с картонками на груди («Куплю \$, ордена, медали, монеты»). Крепкие парни неопределимой сферы деятельности. Похмельные работяги, неизбежные кавказцы, дворники, переругивающиеся с торговцами из-за мусора. Жильцы окрестных многоэтажек со своими норвящими нагадить питомцами. Плюс пара маячивших где-то на заднем плане милиционеров — академически выверенная ироничная усмешка станции метро «Академическая», расположенной неподалеку.

Торговые ряды были обнесены забором из бетонных блоков. Марат решил не заходить на территорию, и стенд они установили напротив выхода с рынка. К стандартному набору листовок в этот день добавились еще две, по мнению Ильи, такие же невнятные, как и остальные. В листовке «Мэр Собчак взял под защиту интересы вкладчиков», к примеру, содержались советы для тех, «кто хочет выгодно вложить деньги», хотя Илье всегда казалось, что люди, у которых эти самые деньги имеются, как-нибудь сами разберутся, что с ними делать. Вторая листовка «Вспомните... И выбирайте» была еще смешнее: вспоминать предлагалось декабрь 1991 года и изображенные в левом нижнем углу талоны на продукты. В противоположном углу листовки, там, где красовалась надпись «май 1996», не было вообще ничего, и это как нельзя лучше ил-

люстрировало отсутствие идей у избирательного штаба Собчака. Илье было непонятно, почему людям просто не рассказать о том, что было сделано за пять лет? Почему не напечатать серию листовок, которые бы доступно показали достижения Собчака на посту мэра, отдельно по разным областям: промышленность, культура, наука, строительство... Илья даже поделился этими мыслями с Маратом, но тот лишь пожал плечами, сказав, что нужно работать с тем, что есть.

Специфика пикетирования в непосредственной близости от рынка проявилась для Ильи в первые же минуты. Он протянул листовку выходявшей с рынка женщине и слишком поздно, уже после того, как совершил это отработанное до автоматизма действие, заметил, что та вся обвешана сумками и ей просто нечем взять листовку. Женщина остановилась, поставила сумки на землю и, увидев портрет Собчака на стенде за спиной Ильи, неожиданно раскричалась.

— Бездельники! Только по улицам с листовками и умеете шляться! Вырастили вас на свою голову, лучше бы на завод шел работать — ни стыда, ни совести. Из-за таких вот дармоедов все в стране и развалено! Бездельники, как и Собчак ваш! Тьфу.

Илья оторопело смотрел на перекошенное, гипертонически побагровевшее лицо женщины и не знал, что ответить. И что на это вообще можно было сказать? Что он не бездельник? Что он еще студент? И что, помимо листовок, он еще кое-что умеет — программировать, например... Тем временем женщина, откричавшись, подхватила сумки и засеменила прочь, а стоявший неподалеку Марат сказал: «Слышь, Илюх, а давай и правда после универа на завод? Там им компьютерные гении во как нужны». Илья усмехнулся, но с этого момента стал внимательней смотреть на тех, кому протягивал листовку.

В середине дежурства у стенда возникла прилично одетая женщина средних лет, выделявшаяся на общем фоне своим видом — не то потерянным, не то потерявшимся. «Ребята, вы за Собчака, да?» — с надеждой в голосе спросила женщина. Илья кивнул и, убедившись, что женщина была без сумок, протянул ей листовку. Она внимательно ее прочитала и попросила еще одну, и скоро вокруг них стали собираться зеваки — любые два человека у рынка воспринимались окружающими как зародыш очереди за чем-нибудь нужным и недорогим. Впрочем, многие, разобравшись, в чем дело, сразу же отходили, но были и такие, кто тоже попросил у Ильи листовку. Подошел Марат, и в этот момент женщина закончила изучать агитматериалы и, заметно повеселев, заговорила:

— Какие вы все-таки молодцы, ребята, какие молодцы! А ведь я, дура, ходила голосовать в первом туре. Посмотрела я на этого, на Яковлева, и знаете, пожалела его, вид у него такой измученный совсем. И решила за него проголосовать. Подумала: кто ж за него еще проголосует? Жалко мне его стало, понимаете? Я-то ведь думала: Собчак на выборах все равно победит, вот и проголосовала за Яковлева. А тут вдруг узнаю, что Яковлев этот во второй тур прошел — вот как он мог во второй тур выйти? Ведь он никто, он ноль по сравнению с Собчаком. И эти вон теперь стоят возле метро, — женщина махнула рукой в неопределенном направлении, — агитируют за него. И люди их слушают, и не смеются им даже в лицо. Как же я расстроилась, как же плакала! И всем своим знакомым наказала: только за Собчака, только за Собчака. Хожу и всех теперь агитирую. Я так и сказала всем: если этот станет губернатором, я уеду из Петербурга. Не хочу жить в городе, где такой губернатор, где такие жители, что выбрали в градоначальники это ничтожество. Ведь он не выиграет, ребята? Не может же быть, чтобы жители не видели, кто он такой? Ну не может же быть?

Женщина замолчала. Илья же, внезапно услышав собственные мысли, озвученные посторонним человеком, ощутил странный дискомфорт. По существу, все, что говорила женщина, было верно. Но тон, которым это было сказано, экзальтированный

и одновременно какой-то комичный, словно бы обнулял содержание, превращая чересчур воодушевленного сторонника Собчака чуть ли не в городского сумасшедшего. Более опытный Марат тоже никак не реагировал, выдерживая паузу.

— Ребята, дайте мне еще листовок, я тоже буду их раздавать, — вдруг сказала женщина.

Илья переглянулся с Маратом, тот кивнул и отошел. Илья вытащил из пачек несколько листовок и протянул их женщине. Она поблагодарила и сразу же вклинилась в поток идущих с рынка людей.

— Граждане петербуржцы, во втором туре голосуйте за Собчака, не дайте прийти к власти его безликому и нерадивому заместителю!

Народ раздраженно обходил ее, как досадное, но неизбежное в этом месте препятствие, никто не хотел брать листовки.

— Наш город — это город музеев, дворцов, концертных залов и парков. Нам нужен культурный мэр, а не строитель и завхоз!

Последний пассаж неожиданно нашел отклик в толпе:

— Да на хрена мне твои музеи, когда у меня ни работы нет нормальной, ни зарплаты?

— Как вы смеете мне тыкать, молодой человек? — вскинулась женщина. — Что случилось с петербуржцами, я их не узнаю! Как мне теперь жить в этом городе?

— А ты не живи, тоже мне напугала! И не хрен вообще лезть не в свое дело, воров и взяточников покрывать, а еще очки нацепила.

Женщина на секунду остолбенела, но чем это все закончилось, Илья не узнал — к нему подошел высокий щербатый парень в темно-синей рубашке навывпуск и попросил листовку. Он быстро ее просмотрел — не прочитал, а именно просмотрел — и неожиданно сказал:

— Слышь, дай еще, пацанам в цех отнесу.

Илья с сомнением посмотрел на парня. Две верхние пуговицы его рубашки были небрежно расстегнуты, и сделано это было, очевидно, намеренно: на жилистой и худой шее красовалась золотая цепочка с массивным золотым крестом. Во рту у парня не хватало переднего зуба, а сам он совсем не походил на работягу — скорее на стоящего на шухере гопника в начале своей короткой, но яркой бандитской карьеры. Парень был заметно выше Ильи, и это все перевесило. Илья подошел к стенду, взял в руки упаковку листовок, намереваясь вытащить из нее несколько штук, но в этот момент парень вдруг выхватил пачку из его рук и тотчас скрылся в толпе. «Твою мать, Илюх!» — подскочил к нему Марат; увидел, сколько пропало листовок, и в сердцах повторил: «Твою же мать!»

Последние пару часов Илья с Маратом просто стояли рядом со стендом и время от времени выкрикивали призывы голосовать во втором туре за Собчака, — листовок ожидаемо не хватило до конца смены. Именно в таком виде их и застал начальник штаба. Это была обещанная проверка пикетов — правда, Марат ожидал ее в первый день, а не сегодня. Константин Александрович, лишь мельком взглянув на Илью, отвел Марата в сторону и долго о чем-то с ним говорил. «Как назло, б..., — сказал помрачневший после отъезда начальства Марат. — Стоит только раз облажаться, и тут же попадешь под раздачу».

Они дождались приезда автобуса со сменщиками, передали им стенд и молча направились к метро. У входа в вестибюль станции «Академическая» стоял яковлевский пикет — стенд с надписью «Впереди большая работа» и четыре агитатора, среди которых Илья неожиданно увидел рябого парня, укравшего у них листовки. Тот тоже узнал Илью, но нисколько не смутился. Он что-то сказал своим товарищам, кивнув

на Илью, и, презрительно скривившись, сплюнул через дырку в зубах. Илья сказал Марату про парня и хотел было подойти к пикетчикам, но Марат его остановил:

— Ладно, Илюх, нам только ментовки сейчас не хватало. Все, давай, закончили на сегодня.

10. Катя

Никогда — ни до, ни после — Илья не оказывался в эпицентре столь пристального внимания окружающих. И совершенно напрасно он первое время тешил свое самолюбие прошедшим в «Шайбе» концертом. У происходящего с ним было совсем другое имя — Катя. Известие о рождении новой пары мгновенно облетело студгородок. И где бы он теперь ни появлялся, с Катей или же один, повсюду его преследовали любопытные взгляды. Поначалу Илья чувствовал себя неуютно и глупо, но глядя на Катю, которую, казалось, это вообще не тревожило, он неожиданно понял, что так и выглядят Катины будни: всю жизнь ее поедали глазами, искали ее взгляда, оборачивались вслед, и она в конце концов совсем перестала на это реагировать: солнце светит, ветер дует, люди смотрят — что тут такого?

Однако помимо очевидных внешних изменений в жизни Ильи, были еще и внутренние затемнения. Как ни пытался, Илья так и не смог восстановить в памяти окончание концерта и то, как оказался у Кати в комнате. Как падал — помнил, как воткнулся затылком в острый край колонки — тоже, место удара под волосами вздулось и потом долго еще саднило и пульсировало. Но дальше — темнота. Выяснилось, что Рудаков с Иваном были в тот вечер такими же пьяными и помнили еще меньше. А Катя, пожав плечами, сказала, что он вырубился прямо на сцене, и она попросила принести его к себе в комнату. «Принести?» — переспросил Илья. «Ну да, принести, — сказала Катя и провела узкой прохладной ладонью по его щеке. — Ты чем-то недоволен, Илья?»

Нет, Илья был всем доволен. После того как стараниями Рудакова он с бас-гитарой в руках растянулся на полу, Илья словно переместился в Зазеркалье, в заповедную волшебную страну, где мог наблюдать за собственной жизнью как бы со стороны. Наверное, именно по причине этого отстранения он и вздрагивал всякий раз, когда просыпался рядом с Катей, — вздрагивал и внутренне замирал. Каждый день он видел ее будто в первый раз, и каждый день ему хотелось ущипнуть себя, хотелось убедиться, что она ему не снится. Или все-таки снится? Временами он машинально, не отдавая себе отчета, искал в окружающей действительности странности, искал и находил. Почему Катя привела — хорошо, принесла — его к себе в тот день? Что такого произошло, почему она вдруг обратила на него внимание? Неужели это все из-за концерта? Но ведь это заслуга Рудакова, это его группа. И почему Катя ни разу не вспомнила про новогодний поцелуй, словно его и не было? А может, его и вправду не было? И окончания концерта тоже? Что если после удара головой он впал в кому и сейчас галлюцинирует в палате интенсивной терапии? На все это Илья не находил ответов, но время шло, неделя следовала за неделей, и присутствие Кати в его жизни постепенно обесцвечивало эти вопросы, стирало их один за другим, делало чем-то несущественным. Несуществующим.

Наверное, неправильно сравнивать человека с сосудом, с некой емкостью, в которую нельзя налить больше определенного предела, но аналогия эта не лишена смысла: ворвавшаяся в жизнь Ильи Катя не оставила в ней места для чего-то еще. И первым это понял Олег Рудаков. Когда он узнал про Илью с Катей, то сразу же сказал: придется искать нового бас-гитариста. «Это еще почему?» — возмутился Илья, но Олег, мрачно усмехнувшись, ничего не ответил. Рудаков, конечно, кривил душой, все было намного хуже. Илья был не просто бас-гитаристом — ну и барабанщиком, если уж на

то пошло, ведь драм-машина тоже была его вотчиной. Именно Илья сделал группу «Down Drive» группой, превратил пустой звук, так, красивое название, не больше, во что-то реальное. Во что-то так громыхнувшее на сцене «Шайбы», что отголоски их выступления ощущались в студгородке еще долгие месяцы. Нет, Олег был рад за Илью, он даже сказал, что наконец-то у Кати появился кто-то приличный. Просто... Просто он сразу же понял, что никакой группы у него больше не будет. И даже если он когда-нибудь соберет новый состав, ему придется искать другое название: «Down Drive» была — да, именно была, прошедшее время — уникальной комбинацией его, Олега, бесшабашности и врожденной склонности Ильи к структурированию и алгоритмам.

— Только ты там поосторожней, — сказал Илье Рудаков, — про Катю эту много чего говорят.

— Что, например?

— Ну например, что для нее парни — как новые туфли. Нужны только, чтоб покрасоваться. Говорят, что все ее хахали остались несолоно хлебавши, никто из них Катю так и не трахнул. Может, ей и от тебя тоже чего-нибудь надо — диплом, например, написать, х... его знает. У вас с ней вообще как?

Илья отвел взгляд и ничего не ответил, но Рудаков и без слов обо всем догадался.

— Да-а-а... Ну, теперь сто пудов нужно нового басиста искать.

После летних каникул, которые Илья провел в стройотряде, а Катя у родителей, они вернулись в Петергоф и поселились в одной комнате. В начале учебного года Илья почувствовал новый всплеск интереса к себе — оказывается, в студгородке всерьез заключали пари на то, когда именно Катя его бросит. По правде говоря, весь июль и август Илья и сам не всегда мог отличить свои воспоминания о Кате от привидевшегося во сне, настолько нереальными они казались. И вернувшись в Петергоф, был готов к любому раскладу — ведь если это и вправду наваждение, должно же оно когда-нибудь развеяться? Но когда Катя, используя свои связи, отселила соседку, освободив комнату для них с Ильей, он окончательно утвердился в мысли, что для нее это тоже серьезно.

Катя была на год старше Ильи, и он действительно помог написать ей диплом, хоть она и не просила его об этом. Катю вообще не интересовала учеба, на последнем курсе университета она умудрилась окончить бухгалтерские курсы и к моменту защиты уже нашла себе работу в крупной строительной фирме.

Рудаков оказался прав по поводу будущего группы, Илья появлялся у него все реже и реже, а когда приходил, лишь изредка брал бас-гитару в руки. Но даже когда им удавалось вместе сыграть, никакой радости это не приносило: что-то неуловимое, какой-то очень важный элемент — химический или же душевный — исчез из музыки безвозвратно, и вместо песен в лучшем случае выходили их аккуратные забальзамированные трупы. Поэтому когда в апреле в «Шайбе» снова организовали студенческий рок-фестиваль, Рудаков категорически отказался выводить на сцену группу «Down Drive». Вместо этого он выступил один, спев под акустическую гитару несколько песен из концертного альбома «Нирваны» «Unplugged in New York», вышедшего уже после смерти Курта Кобейна.

А затем наступил июнь, и в один месяц произошло сразу несколько важных событий. Во-первых, Катя окончила университет. Обмывание ее диплома продолжалось несколько дней и оставило у Ильи нехороший привкус. Все это действие было каким-то преувеличенно, чуть ли не экзальтированно шумным и одновременно почему-то грустным, словно это он, а не Катя прощался сейчас со студенческой жизнью. Катя как раз была подозрительно невозмутима, будто знала что-то такое, о чем никто больше не подозревал. По-настоящему радовались Катиному диплому, наверное, только

самые красивые девушки факультета ПМПУ, да и матмеха тоже: теперь, когда Катя больше не была студенткой, каждая из них могла примерить на свою симпатичную голову корону первой красавицы и — если повезет — занять вакантное место. Впрочем, саму Катю это тоже не волновало: уход из университета не делал ее менее красивой. Скорее наоборот, именно в эти дни Илья поймал себя на мысли, что ее красота стала немного другой, более зрелой и какой-то законченной, что ли, словно грядущее вступление во взрослую жизнь еще выше приподняло постамент, с которого Катя наблюдала за раскинувшимся у ее ног миром.

Во-вторых, Рудаков в очередной раз был отчислен из университета. Само по себе это было никакое, конечно, не событие — Олег привычно оформил себе академический отпуск, на этот раз симулировав сотрясение мозга, и должен был зимой восстановиться на факультете. Но история со скоростно распадавшейся группой что-то в нем надломила, и силовые линии судьбы не преминули этим воспользоваться. В то лето у студентов впервые появилась возможность поработать проводниками в поездах на Октябрьской железной дороге, и Олег тоже решил записаться. Неожиданно выяснилось, что железнодорожникам нужен паспорт с пропиской, и поскольку отчисленный из университета Рудаков больше не имел права на временную регистрацию в Петергофе, он отправился в паспортный стол выписываться — без этого родители не могли зарегистрировать его у себя в Мурманской области. Паспортистка отправила его в военкомат сниматься с учета, и оттуда — спустя всего полчаса — Олег вышел с повесткой в руках. И с обещанием, что с таким образованием, как у него — целых три курса университета, — его отправят служить в какое-нибудь очень приличное место, вроде ракетных войск стратегического назначения. Так в студгородке окончательно прекратила существование единственная панк-группа. Много раз в течение последующих недель Илья порывался съездить к Рудакову в воинскую часть, благо это было не так далеко — тот служил в Голицино-2, под Москвой. Но всякий раз он представлял себе Олега без длинных волос и серьги, в болотного цвета форме и в сапогах, и поездка откладывалась сама собой. Несколько приятелей-собутыльников Рудакова все-таки отправились к нему на присягу, а вернувшись, неохотно делились впечатлениями, зато привезли Илье письмо от Олега. Илья разорвал плотный конверт из серой бумаги и обнаружил на выпавшем оттуда листке всего три слова: «Приезжать не надо».

Ну а в-третьих... Илье не хотелось даже вспоминать это «третье». Катя окончила университет, и Илья — после недельных колебаний — все-таки сделал ей предложение. Он вдруг отчетливо осознал, что Катю ничего больше не держит в Петергофе, и испугался, что потеряет ее.

Даже спустя много месяцев у Ильи не получалось вернуться в воспоминаниях в тот день и не покраснеть. Катя спокойно, немного склонив вперед голову, слушала его косноязычный монолог. Илья же, сбиваясь и заикаясь, с трудом добрался до «Ты выйдешь за меня?» и обессиленно замолчал. Повисла пауза. Катя никак не реагировала, только внимательно на него смотрела, словно ждала от Ильи чего-то еще, какой-то изящной концовки. Молчание затягивалось, и тут Илья с ужасом вспомнил по свой рост. Про свои несчастные, совершенно недопустимые для мужчины сто семьдесят два сантиметра (на самом деле сто семьдесят один). Это случилось впервые за все то время, что они были вместе, словно одно лишь присутствие Кати снимало с Ильи проклятие маленького роста, а заодно и все остальные проклятия. И вот теперь Катя почему-то молчала, и Илья сплоховал, засуетился, принялся торопливо говорить — то ли увещевать, то ли объясняться. И именно при воспоминании об этом у него до сих пор горели уши и лоб. Под конец он опустил до того, что сказал: если они поженятся, то смогут получить комнату в семейном общежитии, ведь Илья еще целый год будет студентом. И в этот момент Катя прервала молчание:

— Субботин, ты правда думаешь, что я выйду за тебя, чтобы получить комнату в общежитии?

Илья застыл с открытым ртом, и на этом его предложение руки и сердца завершилось: по негласному уговору, они с Катей никогда больше к этому не возвращались.

В августе Катя начала работать бухгалтером, и они перебрались в Петербург. Катя не захотела оставаться в общежитии, она говорила, что устала от того, что кто угодно может в любое время постучаться в дверь, устала от постоянного ощущения каравансарая, и вообще — сколько можно? Они сняли небольшую однокомнатную квартиру у станции метро «Лесная» — не очень дорого и совсем недалеко от центра: три остановки на метро до «Чернышевской», четыре — до площади Восстания и Невского проспекта. Первое время Илья еще скучал по Петергофу и студгородку, который, впрочем, заметно потускнел в его глазах без Рудакова, но постепенно все это выветрилось, уступило ощущению, что теперь он принадлежит к чему-то другому. К чему-то величественному, к чему-то несравненно большему, чем Петергоф. И уж точно большему, чем он сам. Именно Катя, настояв на переезде, по-настоящему открыла для него город. Он и раньше выбирался в Петербург на выходные, гулял по центру, по набережным и каналам. Но только сейчас, переехав сюда, став местным жителем, окончательно влюбился в это место. Перестал понимать, как вообще можно жить где-то еще.

11. Гражданский проспект

На утреннем инструктаже в штабе каждому активисту выдали по экземпляру вчерашнего номера газеты «Смена» — статья, о которой Константин Александрович говорил рекордные для него десять минут, называлась «О ситуации вокруг выборов губернатора в Санкт-Петербурге». Илья с Маратом успели прочитать ее по дороге к Гражданскому проспекту, где должны были разносить листовки по квартирам.

В статье приводился текст аналитической записки, подготовленной в Управлении охраны Президента РФ за месяц до выборов губернатора Петербурга. Ее авторы, обеспокоенные падением рейтинга Собчака, считали, что недовольство мэром может усилить позиции противников Ельцина в Петербурге, а значит — помешать его переизбранию на президентских выборах в июне 1996 года. Самыми нежелательными конкурентами Собчака во втором туре назывались Севенард и Болдырев, поскольку они добавляли очков перед выборами президента, соответственно, Зюганову и Явлинскому. Поэтому нужен был нейтральный кандидат, который смог бы консолидировать вокруг себя «антисобчаковские» силы. И такой кандидат был найден: авторы аналитической записки предлагали поддержать первого заместителя мэра Санкт-Петербурга, председателя Комитета по управлению городским хозяйством Владимира Яковлева.

— Теперь понятно, откуда взялся этот... человек, — Марат первым дочитал статью. — И откуда у него такие деньги на предвыборную кампанию.

Илья тоже отложил газету и какое-то время молчал. Мысль о том, что происходящее в городе срежиссировано извне, хоть и была неприятна, но зато многое расставляла по местам. Слишком уж фантазмагоричной выглядела ситуация, когда мелкий городской чиновник, фамилию которого еще пару месяцев назад никто не знал, вдруг превратился в титана, способного свалить самого Собчака. И все равно Илье не верилось, что можно вот так запросто сделать из Яковлева губернатора. Как будто жители города были безмозглой, ничего не соображающей биомассой, которой при наличии денег и ресурсов можно без труда манипулировать. Ведь если Яковлев вдруг сыграет, это будет означать, что во главе города можно поставить кого угодно. Вообще кого угодно.

— Я одного не понимаю, — сказал Илья, — разве сам Яковлев не видит, что он просто марионетка в чужих руках? И что ему придется за все это расплачиваться после выборов?

— Ты его физию видел вообще? Такой шанс людям типа Яковлева вообще никогда не выпадает. Сам посуди — какой-то завхоз, и вдруг губернатор.

Они замолчали и больше не разговаривали до тех самых пор, пока развозивший активистов автобус не остановился на Гражданском проспекте. Илья не знал, о чем думал его напарник, самого же его переполняла злость — самая настоящая спортивная злость. И еще уверенность. В том, что он все делает правильно. И еще... Мысли какое-то время метались в поисках подходящего слова, пока в голове вдруг не вспыхнуло: «Наше дело правое».

Илья с Маратом начали обход домов, и в первом же подъезде выяснилось, что весь квартал уже пройден «яковлевцами». Не только почтовые ящики были забиты листовками конкурентов, но и под дверные ручки почти всех квартир были всунуты свернутые в трубочку агитматериалы. «Ну и хрен-то с ним, — сказал Марат. — Нам-то чего? Работаем, как работали». Но у Ильи, пока они поднимались по лестнице, созрел другой план.

— Я посчитал, только в четырех дверях нет листовок, — сказал Илья, когда они добрались до площадки последнего этажа.

— И что?

— Получается, «яковлевцы» пометили листовками квартиры, где либо нет никого, либо им не открыли. А значит, нам нужно воспользоваться этим и сменить алгоритм.

— То есть звонить только в двери, где нет листовок. Так, что ли?

Илья покачал головой.

— Вот смотри: суббота, ты сидишь дома, и тут в квартиру звонят. Ты открываешь и видишь людей с листовками. Допустим, ты выслушиваешь пришедших и даже берешь у них листовки — при самом благоприятном раскладе. И тут через час в квартиру опять звонят и опять агитаторы. Откроешь ты им дверь или пошлешь куда подальше?

— Че-то я не догоняю, Илюх. Вообще, что ли, в квартиры не звонить?

— А зачем? — усмехнулся Илья. — Нам все равно здесь никто не откроет. Оставим листовки в дверях и в почтовых ящиках, и все.

Марат задумался, его глаза потемнели, а на смуглом лице еще отчетливей проступили восточные черты. «Ни дать ни взять — стой, опасная зона, работа мозга», — подумал Илья, вспомнив строчку из песни Цоя.

— А как же проверки по телефону? — проговорил наконец Марат.

Илья опять усмехнулся.

— Ты правда думаешь, что из штаба звонят и спрашивают, кто именно приходил — за Собчака или против? По-моему, они просто хотят знать, приходил ли кто-нибудь или нет.

Однако Марат уже принял решение.

— Короче, Илюх. Делаем все, как всегда. А алгоритмы свои оставь при себе, я не хочу из-за них от руководства по башке получить.

Илья не стал спорить, он знал, что вера в алгоритмы мало чем отличается от любой другой веры — ей нужны знамения, лучше всего неопровержимые, и они были предъявлены Марату в течение получаса. После того как ни в одной из квартир в доме им не открыли, Марат неохотно, но уступил.

— Ну хорошо, уболтал. Только давай всю эту макулатуру яковлевскую уберем на хрен.

Илья принялся было возражать, но Марат просто вытащил из-под дверной ручки одной из квартир листовки и протянул их Илье.

— Честная конкуренция, говоришь? На вон, посмотри на их честную конкуренцию.

Помимо листовок «Мэра — в метрдотели!» и «Стрекоза и муравей», которые Илья уже видел, здесь была ксерокопия статьи «Невский спрут» из газеты «Советская Россия» о незаконном расширении жилплощади семьи Собчака, а также агитка, повествующая о богатствах семьи Собчака, нажитых за счет нищих жителей города: вилле на Лазурном берегу во Франции и нескольких миллионах долларов в австрийском банке.

Больше уговаривать Илью не пришлось. Всего за пару часов они обошли оставшиеся в микрорайоне дома, заменив в каждом подъезде листовки конкурентов на свои агитматериалы. Причем Марат настоял на том, чтобы листовки эти были не просто выброшены, а уничтожены. Так что они методично разорвали каждый лист бумаги, перепачкав руки яковлевской грязью — на самом деле, конечно, типографской краской, но грязь, подумалось Илье, была как-то символичнее. Несколько листовок Марат оставил себе, сказав, что отнесет их в штаб.

Ближе к вечеру, когда они, закончив с обходом квартир, сидели на скамейке в заросшем деревьями дворе неподалеку от Гражданского проспекта, Марат перебрал трофейные листовки и протянул одну из них Илье:

— Во, смотри, типичный пример яковлевского вранья.

Это была ксерокопия справки из Генпрокуратуры о том, что Собчак проходит по уголовному делу о коррупции в мэрии Петербурга и о нарушении закона в пользу членов семьи мэра.

— Что это за дело? — спросил Илья.

— Дело о расселении квартиры, смежной с квартирой мэра, — неважно. Важно, что это все полуправда. Они говорят про уголовное дело, но не пишут, что Собчак проходит по нему как свидетель, а не как обвиняемый.

— Откуда ты все это знаешь, Марат?

Марат сделал глубокую затяжку и чересчур внимательно посмотрел на дымящийся огонек сигареты, словно размышлял, стоит ли Илье о чем-то рассказывать.

— Мне Костя говорил, — наконец произнес Марат и, поймав вопросительный взгляд Ильи, продолжил: — Костя — друган батин, это меня батя в штаб устроил. Я вообще думаю после универа к Собчаку в администрацию работать пойти. — Марат докурил, выбросил окурочок и вязко сплюнул. — Главное, чтобы с выборами все нормально было.

12. «Mollie's»

Юго-восток. Это началось на юго-востоке, именно там он впервые разглядел подступающую к городу тьму. Сначала чуть заметно потемнел оком горизонт. Но очень скоро узкая черная полоса, очеркивающая небо по самому низу, начала бесформенно разрастаться, наползая на город стремительным чернильным пятном. Сразу же стало тоскливо и зябко, в воздухе потянуло сыростью, и ветер, коснувшийся его лица, на вкус оказался сквозняком павших в одночасье границ. Тьма и туман по-хозяйски вступили в оцепеневший беззащитный город, заволокли его и оглушили, принялись неторопливо поедать — фасад за фасадом, улицу за улицей, квартал за кварталом. Скрипела на зубах кирпичная крошка, осыпалась пылью сбита штукатурка, трескали, деформируясь, оконные рамы, лопались стекла, перекрытия, трубы. Мосты разъедала мокрая ржавчина, гранит набережных трескался и проседал, и колонны, еще недав-

но такие несокрушимые и монолитные, качались и трескались, оставляя разбитые капители на тротуарах. Тьма наступала, густела и уплотнялась, и там, где она только что проползла, стояла звенящая концентрированная тишина. Битва была проиграна не начавшись, и тут раздался негромкий удар. Даже не удар — отчетливый короткий щелчок. Затем еще один. И еще. Очень скоро щелчки обзавелись внутренним ритмом, и у него не осталось сомнений: это ожил, пришел в движение метроном. Монотонный стук становился все оглушительнее и быстрее, и наползающая на город тьма в удивлении замерла. И вдруг где-то далеко, в нескольких километрах от него взвился вверх столб слепящего белого света. Он пробил брешь в непроницаемом, в маслянисто-грязных разводах небе, и через эту дыру показался кусочек совсем другого — высокого и голубого — небосвода. Метроном продолжал работать, и теперь с каждым его ударом то тут, то там взрывался новый ослепительный столб, и очередная брешь взрезала окутавший город морок. И тут он вдруг понял: пришла его очередь, он тоже станет сейчас этим светом, тоже сдетонирует на миллиарды быстрых слепящих частиц. Внутри у него все натянулось и задрожало, он что было сил зажмурился, напрягся, перестал дышать. И обжигающий, непереносимо горячий поток прошел через него, хлынул наружу, вытолкнул на кровать его онемевшее от напряжения тело...

Несколько минут после пробуждения Илья неподвижно лежал с открытыми глазами, осмысляя увиденное во сне. Затем осторожно, стараясь не разбудить Катю, выскользнул из-под одеяла и принялся одеваться.

— Илья, ты куда?

Илья вздрогнул и обернулся. Глаза Кати были закрыты, она явно балансировала между явью и сном и все же умудрилась задать вполне осознанный вопрос. Или неосознанный? Илья внимательно посмотрел на Катю, ночь всегда смягчала ее черты, делая веки, щеки и подбородок слегка припухлыми и округляя лицо, и этим словно приближала ее к простым смертным. Сокращала дистанцию между ней и остальным человечеством, делала ее красоту не такой вызывающей. Катя не шевелилась, и Илья продолжил собираться. Но почти сразу опять услышал Катин голос:

— Илья?

Он присел на кровать возле нее.

— Кать, у меня сегодня пикет.

— Сегодня же воскресенье, — Катя слегка приоткрыла глаза.

— У меня не будет выходных до самых выборов, я тебе говорил.

— Илюша, — Катя опять закрыла глаза, судя по нисходящим интонациям, она постепенно вновь погружалась в сон, — ты работаешь на износ.

Илья улыбнулся, узнав цитату, но ничего не сказал. Вместо этого он наклонился и поцеловал Катю в теплые мягкие губы.

— Не-а, — проговорила Катя сквозь сон, — этого мало. Меня нужно куда-нибудь сводить.

— «Mollie's»? — спросил Илья.

— Ausgezeichnet⁴, — едва слышно пробормотала Катя, и тягучие сонные волны наконец сомкнулись над ее головой.

После пикета, который сегодня был у станции метро «Черная речка», Илья с Маратом вернулись в штаб. «Будет расчет за неделю, — поделился инсайдерской информацией Марат, — а также общее собрание».

Деньги им действительно выплатили, Илья получил триста семьдесят пять тысяч. «По семьдесят пять штук за смену», — с видом посвященного сказал Марат, но это Илья и без него уже посчитал. Удивительной была отнюдь не конкретная сумма, а сам факт

⁴ Великолепно (нем.).

оплаты пикетов и походов по подъездам с листовками. Илья ощущал какую-то странную, труднообъяснимую неловкость, он был убежден, что во главе города должен стоять Собчак, и было что-то противоестественное в том, что ему платили за это деньги. Это словно бы ставило знак равенства между рублями и его убеждениями, а стало быть, подразумевало, что при определенных финансовых условиях Илья вполне мог агитировать за кого-нибудь другого — за того же Яковлева, например. Странно, но судя по царившему в штабе оживлению, никого, кроме него, это почему-то не смущало.

Под конец дня всех собрали в комнате сто девять, где перед заметно повеселевшими после выплат активистами выступил Константин Александрович. Было видно, что руководитель штаба тоже находится в приподнятом настроении. И пусть он все так же был похож на сильную хищную птицу, сегодня казалось, что его внутренний коршун хорошо подкрепился и мог позволить себе быть благодушным.

— Прежде всего, поздравляю всех с окончанием первой недели. Мы хорошо поработали, и пусть это только середина пути, преодолели мы ее очень достойно. — Константин Александрович сделал паузу, с улыбкой осмотрев зал. — Естественно, каждая работа предполагает вознаграждение, у нашей работы оно тоже есть, и это не только деньги, как могло некоторым здесь показаться. — Константин Александрович опять остановился и искал взглядом кого-то в зале, видимо, того самого человека, что спросил его про оплату на первом собрании. — Так вот. Хочу поделиться с вами хорошими новостями. Мы только что получили результаты последнего соцопроса, он будет опубликован в завтрашних газетах. Новый рейтинг Анатолия Александровича Собчака — сорок семь и четыре процента против сорока двух и семи недель раньше, у его конкурента — пятьдесят процентов вместо предыдущих пятидесяти двух и шести. Таким образом, разрыв между кандидатами за неделю сократился больше, чем на семь процентов. И пусть Анатолий Александрович пока все еще немного отстает, мы с вами сумели переломить тренд, так что лидерство Собчака — вопрос ближайших двух-трех дней.

Илья приехал на станцию метро «Владимирская» на час раньше Кати. Всю неделю он безвылазно провел в северных районах города, в бескрайних спальниках, в царстве многоэтажной советской застройки и чувствовал, что ему как воздух необходимо побродить по центру, напомнить себе, что за город он пытается отстоять. Это оказалось совсем несложно — какие-то полчаса в окрестностях Кузнечного рынка и все. Этот район не был его любимым, но неспешная прогулка по тем же местам, по которым в своем воображении Достоевский когда-то водил Родиона Раскольникова, словно исподволь меняла его метаболизм, постепенно опутывая и замедляя мысли. Это было очень похоже на то странное гипнотическое оцепенение, что возникает, если целый день не отрываясь читать «Преступление и наказание». Насколько он слился с окружающим ландшафтом, Илье стало понятно, когда на пути к метро его остановили недалеко от Кузнечного рынка. Крепкий молодой человек с бегающими глазами и неясными намерениями ухватил его за рукав, но, заглянув в отстраненное лицо Ильи, тотчас оставил его в покое — своих не трогаем.

Когда в начале восьмого Илья вновь оказался в вестибюле метро, все уже встало на места. И город, без которого невозможно прожить и недели. И вновь обретенная уверенность в том, что последние дни он занимался — и не без успеха — большим и правильным делом. И даже деньги, которые Илья за это получил. Ведь он точно знал, что делал это не за вознаграждение, а значит, в полученных в штабе рублях не было ничего постыдного. Так — приятный бонус, которым они с Катей оплатят квартиру в следующем месяце. В конце концов, деньги приходят и уходят, а вот город — город остается.

Катя опоздала на пять минут. Она всегда так поступала, когда встречалась с Ильей, и он знал, что таким незамысловатым образом она избавляет его от опозданий, а себя — от необходимости ждать: из них двоих именно Катя была болезненно пунктуальной. От Катиной утренней припухлости не осталось и следа, ее красота очнулась от сна и опять была совершенно непостижима, и Илья, увидев ее на эскалаторе, привычно остолбенел. Они были вместе уже два года, но до сих пор Илью одолевали сомнения, что эта девушка могла быть его. Что это ее он видел утром в постели, ей варил кофе в турке на кухне, ее целовал на прощание, выходя из квартиры. Эта его растерянность продолжалась лишь несколько коротких мгновений, но все то время, пока Катя приближалась к нему, он совершенно искренне был уверен, что она пройдет мимо. А сегодня это чувство оказалось особенно острым — Катя была на каблуках, и это только усилило его обычные сомнения. По счастью, на этот раз — как и все дни до этого — миру опять было явлено чудо: Катя махнула Илье рукой, подошла к нему и поцеловала. Она была в сарафане, но плечи скрывала джинсовая куртка, и весь ее вид словно бы говорил: лето близко, но еще не наступило. Они вышли из метро и направились к ирландскому пабу «Mollie's» на улице Рубинштейна. Илья никак не мог приноровиться сегодня к Кате, покатошь тротуара словно издевалась над ним, заставляя идти то с правой стороны от Кати, то с левой, — единственный доступный ему способ казаться хоть немного выше. Катины каблуки не столько расстроили Илью, сколько озадачили — похоже, его ждал не слишком приятный разговор.

В пабе они отыскивали свободный столик в углу и заказали по бокалу «Гиннеса».

— Я правильно поняла тебя утром — ты действительно будешь работать на выборах всю следующую неделю?

Илья кивнул.

— У Собчака настолько плохи дела?

— Почему? Как раз наоборот.

— То есть его все-таки переизберут? — спросила Катя.

— Тебя это расстраивает?

— Нет, отчего же? Я уже говорила: мне все равно. Я бы хотела, чтобы город привели в порядок, только и всего. Отремонтировали фасады, хотя бы в центре. Положили плитку на тротуарах, заасфальтировали разбитые дороги. Да просто отмыли бы его, в конце концов. А кто этим будет заниматься, мне совершенно безразлично.

— Ну, не скажи, — покачал головой Илья. — В Петербурге всего один политик федерального уровня, и этот политик Собчак.

— То есть чтобы отмыть фасады, обязательно нужен политик федерального масштаба?

— Да. Хотя бы для того, чтобы выбивать деньги в федеральном центре, — сказал Илья. — На ремонт тех самых фасадов, которые тебя так раздражают.

— Они меня не раздражают. Я просто знаю, как это выглядит в нормальной стране, вот и все.

Илья хотел было возразить, но остановился. Он неожиданно понял, к чему ведет Катя, но было уже поздно.

— Кстати, о нормальной стране. Как там наш герр Краузе поживает? — спросила Катя.

Ловушка захлопнулась. Катя молча наблюдала за растерявшимся Ильей, словно не торопясь выбирать момент для следующего удара, но тут к столику подошла официантка и спасла его. Оказавшийся перед Катей запотевший бокал с черной, исходящей торопливыми крохотными пузырьками жидкостью на какое-то время отвлек ее от немецкого. Но время это закончилось намного быстрее, чем рассчитывал Илья, успевший сделать лишь несколько больших, обжигающе холодных глотков.

— Also, Herr Krause, haben Sie vielleicht gestern einen Spaziergang gemacht?⁵ — сказала Катя, и незнакомые, изготовленные из железобетона слова окончательно похоронили его надежды выбраться из ловушки.

Илья посмотрел на Катю, на отделанную зелеными текстурными панелями стену у нее за спиной и сказал:

— Тут, я извиняюсь, не по-русски.

Катя не улыбнулась и продолжала выжидающе смотреть на Илью. Она не позволила ему свести происходящее в шутку, демонстративно пропустив мимо ушей цитату из Довлатова, жившего до эмиграции в доме на другой стороны улицы, прямо напротив паба.

— Субботин, — наконец проговорила Катя, — ты мне обещал.

Вместо ответа Илья залпом допил «Гиннесс» и поднял руку, подзывая официантку.

— Обещал, я помню. Но у меня сейчас пикеты отнимают все свободное время. Вот пройдут выборы... Еще «Гиннесс», пожалуйста, — сказал Илья подошедшей официантке. — Тебе повторить?

— Сначала у тебя был диплом, теперь выборы, потом — я так понимаю — защита, — проигнорировала его вопрос Катя, и официантка поспешила отойти к барной стойке. — А после защиты — еще что-нибудь. Субботин, я что, многого прошу?

Илья отвел взгляд и уставился на мореную деревянную столешницу с черными точками от потушенных сигарет и округлыми коричневыми следами пивных бокалов. Он знал, что этот разговор с Катей неизбежен. Знал, но все равно не подготовился к нему, с какой-то детской наивностью предпочел укрыться от неудобных вопросов за ежедневной суетой, и, надо сказать, предвыборная кампания подходила для этих целей как нельзя лучше. Илья вздохнул, достал из пачки сигарету, но прикурить не успел. Катя коснулась его руки, Илья поднял на нее глаза, боковым зрением отметив, что направившаяся было к их столику официантка с бокалом «Гиннесса» предостерительно остановилась.

— Чего ты боишься, Илья? Боишься, что увидишь, как должна выглядеть нормальная страна, и поймешь, что твой любимый Петербург вовсе не так уж хорош? А может — и совсем не хорош? Ну и чего тогда стоит вся эта твоя любовь к нему?

— Кать... — проговорил Илья, но Катя его остановила.

— Неужели тебе не интересно прожить несколько жизней? Нет, правда, Илья? Не одну, как у многих, да почти у всех, а несколько? Уж я-то знаю, о чем говорю. Я прожила одну свою жизнь в Казахстане, прожила вторую здесь, в Питере. И точно знаю, что там, в Германии, меня ждет еще одна жизнь. И я никогда не зарекаюсь, не думаю. И не считаю Германию чем-то окончательным. Наоборот. Это как трамплин. Если не понравится, оттуда можно будет перебраться куда угодно — в любую европейскую страну, да хоть в Америку, почему нет? Ты просто должен помнить, что никто не может помешать тебе вернуться сюда, в Петербург, если захочешь. Сделать полный круг и вернуться. Если ты действительно поймешь, что именно здесь твое место. Что здесь ты должен жить.

13. Катя

Когда первый раз встречаешь девушку, когда начинаешь снова и снова возвращаться к ней в мыслях, когда осознаешь вдруг, что не можешь выбросить ее из головы, когда доходишь до форменного иступления, все думаешь и думаешь о ней, каждую минуту, каждое мгновение — разве имеет значение, какая у этой девушки фамилия? Глаза, лицо, голос, волосы, грудь, ноги — да, но фамилия? И пусть Илья почти сразу

⁵ Итак, герр Краузе, возможно, вы вчера ходили на прогулку? (нем.).

узнал, что фамилия у Кати — Миллер, что тут такого? Миллер и Миллер. Нет, ему, конечно же, нравилось, как это звучит: Екатерина Миллер. Неприступно и завораживающе одновременно. Но Илье все нравилось в Кате, вообще все. Он слышал от знакомых, что Катя приехала в Петербург из Казахстана, и это тоже играло на нее, добавляя ей таинственности. А что бы не добавляло? Скажи Илье, что она родом из Прибалтики, Владивостока или Белоруссии, эффект был бы точно тем же. Так уж устроены влюбленные — любой факт они истолковывают в пользу своего божества.

Потом, когда они стали встречаться, Катя начала постепенно проступать из своей зыбкой, возвышенной бестелесности, проявляясь и обретая контуры, словно изображение на влажной фотобумаге. Илье увидел ее без одежды, он узнал, что скрывается за ее неприступностью, за ее напускным — как выяснилось — высокомерием. Он рассмотрел в ее глазах то, что предназначалось ему одному: негромкий блеск, мерцающее в зеленовато-серой глубине обещание. И еще какую-то совершенно детскую доверчивость, чуть ли не наивность, которая никак не вязалась с бьющей наотмашь Катиной красотой. И да, у Кати обнаружилась семья — родители и младшая сестра, оставшиеся в Казахстане. И вместе с ними — непростая семейная история.

Фамилия Миллер не просто звучала как немецкая, она ею и являлась. Семья Кати происходила из этнических немцев, депортированных из Поволжья в Казахстан. Уехав из Алма-Аты в Петербург, Катя надеялась со временем перетянуть за собой и родителей с сестрой, но те отказались. Вместо этого родители подали документы в посольство ФРГ, и к тому моменту, когда Катя окончила университет, ее семья уже эмигрировала в Германию по программе возвращения немецких переселенцев.

Получив диплом, Катя на все лето уехала к родителям в Германию и вернулась оттуда совершенно другой. И хотя на первый взгляд в их отношениях мало что изменилось, Катя приехала из Германии не одна. Она привезла с собой навязчивую идею о переезде, и теперь вся ее жизнь — а значит, и жизнь Ильи — так или иначе вращалась вокруг этой идеи. Иногда Илье даже казалось, что Катя была отравлена тем, что увидела в ФРГ, именно отравлена, без всяких метафор. И из-за этого он еще больше сопротивлялся ее уговорам уехать в Германию — просто из чувства самосохранения. Самое неприятное, Катя — и раньше скептически настроенная к происходящему в стране — вернулась из ФРГ убежденная, что в Петербурге не то чтобы плохо, — что здесь никогда не станет лучше. И это убеждение, словно перевернутая лупа, не позволяла Кате разглядеть контраргументы Ильи в пользу города на Неве.

Семья Кати Миллер обосновалась в городе Фрайбурге, в самой юго-западной точке Германии, на границе с Францией и Швейцарией. Катя могла часами рассказывать о Фрайбурге, о его мощном старом центре с Мюнстером и средневековыми городскими воротами, с торговой площадью и системой ручейков, пронизывающих все улицы в округе. О горах, что обступили город со всех сторон, о Черном лесе, об озерах, виноградниках и о Рейне, отделяющем Германию от Франции, до которой было всего двадцать минут на электричке. Илье смотрел на привезенные Катей фотографии, разглядывал нереальные, открыточного вида городские ландшафты и совсем ничего не чувствовал по отношению к этой далекой, чересчур глянцевой жизни. И чем дальше, тем отчетливей ему казалось, что он словно застрял между молотом и наковальней. У него была Катя, одно присутствие которой заставляло его позабыть обо всем на свете. И был Петербург, частью которого он стал, а потому не мог даже помыслить жизни где-то еще. Но время шло, зазор между молотом и наковальней угрожающе сужался, так что Илье волей-неволей пришлось идти на компромиссы.

Нет, он не согласился на эмиграцию, он никогда не задумывался о ней, даже гипотетически. Но они с Катей договорились, что вместе съезжат к ее родителям, когда Илье получит диплом. Просто в гости, на несколько недель, чтобы у Ильи была воз-

возможность увидеть все своими глазами. Правда, отступления без потерь не бывает. Катя тут же настояла на изучении немецкого языка. Она сказала, что без этого впечатление от страны будет неполным, и Илье ничего не оставалось, как взять из красивых Катиных рук привезенный из Фрайбурга учебник немецкого. Так в его жизни появился герр Краузе и железобетонные, застревающие в зубах диалоги с его участием. И так, совершенно неожиданно для Ильи, фамилия Кати стала для него так же важна, как и ее прекрасные, зеленые с серым отливом глаза.

14. Площадь Мужества

В понедельник утром, меньше чем за неделю до выборов, назначенных на второе июня, всех активистов собрали в штабе на инструктаж, больше похожий на передышку перед решающим штурмом. Предвыборная борьба обостряется, необходимо собраться, необходимо сохранять бдительность и не поддаваться на провокации — сказано было много, но единственной новой информацией стала отмена обходов квартир, которые были признаны неэффективными. Так что с сегодняшнего дня руководство штаба решило сосредоточиться исключительно на пикетировании.

На следующий день у Ильи с Маратом был пикет у станции метро «Площадь Мужества». Установив стенд на площади между входом в метро и растянутой на десятки метров автобусной остановкой, они вскрыли упаковки с листовками. К удивлению Ильи, абсолютно все агитматериалы сегодня оказались новыми, и чем дольше он вчитывался в свежотпечатанные, пахнущие типографией листы, тем сильнее росло его недоумение. На одной из листовок на фоне тюремной решетки пересекались крест-накрест — ровно по букве «о» — два слова: «Яковлев» и «коммунисты». Другая называлась «Дорогие наши братья и сестры, петербуржцы!» и сообщала, что «красный чиновник Яковлев с внешностью молодого Гидаспова для победы на выборах умудрился одновременно присягнуть всем — Явлинскому, Зюганову, Ельцину...».

— Что еще за «внешность молодого Гидаспова»? — Илья показал Марату листовку. — Это, вообще, кто?

— Первый секретарь Ленинградского обкома КПСС в начале девяностых, — сказал Марат.

— И что?

— Ну это вроде как должно связать Яковлева с коммунистами.

— И это, как я понимаю, тоже?

Илья протянул Марату еще одну листовку. Это была ксерокопия партийного выговора Яковлеву «за личную нескромность и использование служебного положения в период работы на руководящих должностях при покупке легковых автомобилей в личное пользование».

— Ну да, — вяло ответил Марат.

— Марат, а ничего, что это выговор за восемьдесят второй год?

Марат пожал плечами.

— Есть куча людей, которых такое цепляет. И по-другому до них не достучаться.

— Да? И кто все эти люди? Что это за загадочная социальная группа, которую беспокоит, что Яковлев сейчас чересчур похож на коммуниста и — в то же самое время — что он был никудышным коммунистом четырнадцать лет назад? Не ты ли мне говорил: мы здесь, чтоб информировать людей? Информировать, но не сбивать же их с толку.

— Ладно, Илюх, чего ты завелся? — Марат отвел взгляд, этот разговор был явно ему неприятен. — В штабе решили разыграть фишку с коммунистами, я-то здесь при чем? Все равно это мало что решает.

— А что решает?

— Дебаты — вот что, — сказал Марат и кивнул куда-то за спину Илье. — Ладно, погнажи давай, а то вон уже конкуренты подтянулись.

Илья обернулся — в десяти метрах от них устанавливали стенд люди из группы поддержки Яковлева, двое мужчин и две женщины. К стенду было приклеено большое фото бывшего заместителя мэра в белой рубашке с закатанными рукавами и пиджаком через плечо. На фотографии Яковлев натужно улыбался, вернее, пытался выдавить улыбку сквозь опухшее изможденное лицо; надпись сверху сообщала, что у кандидата в губернаторы «впереди большая работа». Илья еще раз перебрал привезенные из штаба листовки, и его вновь накрыло ощущение абсурда. Вот так вот и выглядит обычно сбой программы: все работает как надо, и довольно долго работает, но при определенной комбинации параметров алгоритм вдруг спотыкается о баг и начинает выдавать дистиллированный бред. Вроде утверждения, что бывший заместитель мэра Санкт-Петербурга Владимир Яковлев — красный чиновник. Но ведь если это действительно так, тогда и его начальник Собчак — тоже красный чиновник. Наверное, даже еще более красный, чем Яковлев. Самим-то не смешно?

— Илюх, не спи, — Марат хлопнул Илью по плечу, вернув его к действительности. — Давай погнажи.

На остановку перед входом в метро прибыло сразу два набитых под завязку автобуса номер восемьдесят — длинных, составленных из двух норовящих расползтись половинок, с прохудившейся, словно пожеванной временем, гармошкой посередине. Автобусы, поскрипывая и вздыхая, остановились, заметно накренившись на правый бок под напором нетерпеливых, почувствовавших скорое освобождение пассажиров. Двери натужно сложились половинками внутрь, и люди хлынули из автобусов на площадь, потекли к метро, на ходу оправляя одежду, осматривая сумки, рюкзаки и портфели. Приблизительно в том месте, где стоял стенд Ильи с Маратом, идущая к метро толпа вклинилась во встречный поток людей, только что поднявшихся из-под земли и спешащих теперь к автобусной остановке.

Марат вскинул руку с листовкой и крикнул: «Во втором туре голосуйте за Анатолия Собчака!» Илья на автомате последовал примеру Марата, стараясь не думать о том, что за листовки он раздаст. Людскому водовороту вокруг не было никакого дела до выборов, спешащие по своим делам горожане не глядя огибали их стенд, и сегодня Илью это вполне устраивало.

— Яковлев обещает восстановить метро! Яковлев обещает восстановить метро!

Илья вздрогнул и обернулся на крик. Женщины из группы поддержки Яковлева с хорошо поставленными голосами рыночных зазывал бойко раздавали листовки, едва поспевая за тянувшимися к ним руками. Двое коренастых мужчин-агитаторов стояли немного поодаль, у стенда с фотографией Яковлева, готовые, если потребуется, тотчас прийти женщинам на помощь.

Попадание было стопроцентным, и Илью поразило, насколько изящно все было проделано: «яковлевцы» просто пришли в самую проблемную точку города и пообещали эту проблему решить. Как ни крути, работавшие на Яковлева московские пиарщики не зря ели свой хлеб. Илья даже искренне им позавидовал, особенно на контрасте с теми жалкими листовками, что они с Маратом вынуждены были сейчас раздавать.

— Яковлев обещает восстановить метро! Яковлев обещает восстановить метро! — снова раздавалось над площадью.

«Обещать-то он обещает, — подумал Илья, — но ничего не говорит о том, насколько это сложно и дорого. Как и о том, что вовсе не Собчак принимал решение заморо-

зить этот треклятый пловун». Илья не понаслышке знал о размыве: одна из подруг Кати работала в метрополитене. От нее он узнал, что когда в семидесятых годах строили перегон между станциями «Лесная» и «Площадь Мужества», наткнулись на большое подземное озеро. Обойти водоносные пески в то время не получилось, поэтому решено было задействовать сверхнизкие температуры. Жидкий азот свозили в Ленинград со всего Советского Союза, и в результате водоносная порода была заморожена. Сквозь нее пробили туннель метро, и перегон между «Лесной» и «Площадью Мужества» благополучно сдали в срок, как тогда было принято, к очередному съезду партии.

— Яковлев строит дома! — громкоголосые «яковлевские» агитаторши решили не ограничиваться одним только размывом. — Светский лев переименовывает улицы!

Перегон строился на века, но простоял всего двадцать лет, до прошлого года. Поселившиеся возле станции метро «Лесная» Илья с Катей до поры до времени не испытывали никаких неудобств. Ежедневные маршруты уводили их в противоположную от «Площади Мужества» сторону: Илья ехал до «Балтийской» и дальше электричкой до Петергофа, Катя — до «Техноложки», где делала пересадку на поезд до «Парка Победы». Они знали, что на выходных движение между «Лесной» и «Площадью Мужества» останавливали из-за ремонтных работ, но не придавали этому значения. Все изменилось в декабре прошлого года.

— Яковлев: ни дня без работы! Светский лев: ни дня без презентации!

В ночь с третьего на четвертое декабря в туннель перегона «Лесная» — «Площадь Мужества» прорвался пловун, и движение поездов было прекращено. Еще через двое суток, чтобы избежать обрушения зданий в районе площади Мужества, двухкилометровый перегон был затоплен. Станция метро «Лесная» закрылась на три месяца, и Илье с Катей пришлось пересест на наземный транспорт, который совсем не был рассчитан на такую нечеловеческую нагрузку. Они даже подумывали о переезде в другой район — размыв перечеркивал все преимущества выбранной Катей квартиры: недалеко от центра, но при этом рядом с метро.

— Яковлев говорит по делу! Светский лев говорит красиво!

В середине февраля станцию метро «Лесная» открыли, и их с Катей мучения подошли к концу. Но не закончились они у сотен тысяч людей, что жили на Гражданке. «Лесная» стала конечной станцией перед разрывом красной ветки. Чтобы ехать дальше, нужно было подняться на поверхность, сесть в бесплатный восьмидесятый автобус, доехать на нем до станции «Площадь Мужества» и вновь спуститься под землю. Фактически все северные районы, а с ними почти полмиллиона жителей в одночасье оказались отрезаны от остального города.

— Яковлев редко покидает город! Светский лев часто навещает город!

Илья прекрасно представлял себе, что такое восьмидесятый автобус, время от времени ему все-таки приходилось им пользоваться. Он знал, что в утренние и вечерние часы пик эти автобусы берут штурмом. Что люди набиваются в них до спрессованности тепловровного монолита, когда отпадает необходимость держаться за поручни — упасть все равно нет никакой возможности. А когда автобус, с пятой попытки захлопнув жалобно скрипящие двери, трогается с места, начинаются те самые прелести наземного транспорта, о которых и знать не знают пассажиры метро, — пробки. Так что обычные пять минут на метро между «Лесной» и «Площадью Мужества» могут растянуться в автобусе на полчаса и даже больше. Удивительно, каким неожиданным образом размыв повязал настоящее с символизмом военных лет — теперь, чтобы жить на площади Мужества и прилегающему к нему проспекту Непокоренных, действительно требовалось самое настоящее мужество.

— Яковлев держит слово! Светский лев дает обещания!

Наверное, не было сейчас для мэра страшнее места, чем до отказа набитый салон восьмидесятого автобуса. Нигде в городе не звучали проклятия в адрес Собчака так же часто и с такой неприкрытой ненавистью, как здесь. И хотя винить градоначальника в размыве не совсем правильно и уж точно несправедливо, это было очень трудно объяснить людям, ежедневно штурмующим восьмидесятый автобус. В принципе, одной разорванной ветки метро было достаточно, чтобы поставить крест на Собчаке как на губернаторе. И во многом именно размыв сделал северные районы такими проблемными для Собчака.

— Яковлев — заслуженный строитель, светский лев — почетный подводник!

К площади подъехал очередной восьмидесятый автобус с полураздавленными обезумевшими пассажирами, двери раскрылись, обнажив напряженные измятые спины. Человеческая начинка дрогнула и начала выдавливаться через дверные проемы на площадь. Самым крайним, стоявшим спиной к дверям пассажирам необходима была почти цирковая ловкость: чтобы не упасть, при выходе им требовалось развернуться в воздухе на сто восемьдесят градусов. Один из людей, коротко стриженный мужчина средних лет в джинсах и пиджаке, замешкался и едва не оказался под ногами повалившейся из автобуса толпы: зажатый телами, его портфель застрял в салоне, и это помешало человеку сделать полный разворот. Мужчина с трудом, но все-таки сохранил равновесие и, зажав портфель под мышкой, торопливо направился к вестибюлю метро, двигаясь напрямик на остолбеневшего Илью. Но через пару секунд он так же, как и Илья, озадаченно остановился — профессор Еремеев с удивлением узнал в раздающем листовке агитаторе своего лучшего студента.

15. Петергоф

На следующий день, после пикета у станции «Гражданский проспект», Илья спустился в метро, но поехал не домой, а на Балтийский вокзал. Сегодняшнее дежурство у стенда прошло еще хуже, чем накануне. Агитматериалы о Яковлеве-коммунисте никуда не делись, но в штабе решили пойти еще дальше и смешали красное с московским: в новой листовке «Жители великого города!» избирателей пугали не коммунистами, но Москвой. Это она, Москва, платит за предвыборную кампанию Владимира Яковлева, говорилось в листовке. Это она хочет низвести великий город до затхлой провинциальной серости, это она стремится поставить в Петербурге своего губернатора-марионетку. Это Москва пытается создать для горожан «невыносимые условия жизни, работы, отдыха». Нелюбовь петербуржцев к столице была общим местом, и Илья понимал: штабу нелегко было удержаться от соблазна ее оседлать. Однако в листовке не было ни слова о том, зачем Москве все это нужно. Зачем столице уничтожать Петербург? В чем здесь мотив? В аналитической записке, напечатанной в газете «Смена», поддержка Яковлева Кремлем объяснялась интересами грядущих президентских выборов. А здесь?

Илья поделился своими сомнениями с Маратом, но того занимали сегодня совсем другие мысли. Накануне стало известно, что Яковлев отказался от дебатов с Собчаком, и Марат не понимал, как на это реагировать. С одной стороны, он не мог не злорадоваться по этому поводу, уверенный, что Яковлев таким образом признал полную свою несостоятельность. «Это и понятно, он ведь не самоубийца», — говорил Марат. Но с другой стороны, это была скверная новость, в штабе Собчака очень рассчитывали на эти дебаты, ничто не завершило бы предвыборную кампанию мэра так эффективно, как публичная экзекуция его косноязычного оппонента. «Ну ничего, — сказал Марат, — еще не вечер. Завхоз не может просто взять и соскочить, дебаты прописаны в законе о выборах».

На Балтийском вокзале Илья купил в кассе билет, отыскал нужную платформу и сел в полупустой вагон, прислонившись виском к едва заметно вибрирующему толстому стеклу. Электричка тронулась, потянулась изрядно подзабытая за неделю кинолента законных пейзажей: сначала все еще город, вплоть до Ленинского проспекта, потом пригороды, необязательные и скучные, затем Петергоф — Новый с ошалевшими от фонтанного предвкушения туристами и Старый, в котором о фонтанах, похоже, знали лишь понаслышке. И все, следующей остановкой был Университет. Но сегодня к этой последовательности прибавилось еще одно измерение — время. Илья замечал это и раньше, но теперь, когда каждый день в его жизни так много всего происходило, когда событий было столько, что они налезали друг на друга, спорили, переплетались, не осталось никаких сомнений: как только поезд покинул Балтийский вокзал, время — вокруг него, в нем самом — начало постепенно замедляться. И если на Ленинском проспекте Илья еще ощущал привычное напряжение городского ритма, то чем дальше электричка углублялась в пригороды, тем медлительнее становилось время. И к тому моменту, как он добрался до Петергофа, жизнь уже ползла вперед даже не улиткой, а каким-то послеполуденным тягучим сном в душный июльский вечер.

Миновав Старый Петергоф, поезд, едва разогнавшись, почти сразу вновь сбросил скорость и остановился. Илья вышел из вагона и на мгновение позабыл, зачем вообще сюда приехал, — просто стоял и смотрел по сторонам, как замороженный. Платформа Университет утопала в зелени, в какой-то особой деревенской неторопливости, оглушающую с непривычки тишину нарушали только стрекот кузнечиков да гул удаляющейся за поворотом электрички. И совершенно не верилось, что до одного из лучших математических факультетов страны — всего десять минут по петлявшей между деревьев дорожке.

Когда Илья столкнулся накануне с научным руководителем на площади Мужества, он, конечно же, удивился столь маловероятному для пятимиллионного мегаполиса событию. Но еще больше его потрясло, что за всей этой предвыборной гонкой он, оказывается, совсем позабыл про аспирантуру и про данное Еремееву обещание.

— Илья? — профессор Еремеев близоруко сощурился, рассматривая стоящего перед ним Субботина, по непонятной причине он надевал очки, только когда был в университете. — Вы что это здесь? А-а-а... — Еремеев рассмотрел за спиной Ильи агитационный стенд. — Вы за Собчака, да? Ну давайте, что там у вас?

По всем законам жанра Илья должен был протянуть Еремееву листовку, может, даже не одну, и произнести какую-нибудь стандартную фразу из арсенала активиста штаба Собчака. Но вместо этого Илья покраснел и быстро убрал руку с листовками за спину.

— Да вы и так все это знаете, Геннадий Алексеевич.

Профессор Еремеев внимательно посмотрел на Илью.

— А я все думал, куда это вы вдруг пропали... Про аспирантуру, я надеюсь, вы еще помните?

— Помню, — соврал Илья, с досадой ловя себя на мысли, что так и не научился говорить «нет» научному руководителю.

— Вот и хорошо, что помните. Тогда жду вас завтра во второй половине дня на факультете. И надеюсь, что все это, — Еремеев кивнул на толпу у метро, стенд за спиной Ильи и расположившийся неподалеку пикет «яковлевцев», — не станет для вас препятствием.

Когда вечером Илья рассказал Кате про Еремеева и про аспирантуру, с которой ему завтра нужно было наконец определиться, та была категорична:

— Не понимаю, о чем тут вообще думать. Разве ты для себя все уже не решил?

— Да нет вроде. С чего ты взяла? — Илья в недоумении уставился на Катю, та сидела напротив за кухонным столом и потягивала белое вино из узкого высокого бокала.

— А по-моему, решил. — Катя поставила бокал на стол и посмотрела на Илью так, что он сразу же забыл, что они секунду назад обсуждали. — Вот смотри: если я прямо сейчас здесь разденусь и уйду голая в спальню, ты отправишься за мной? Или останешься на кухне и будешь до утра решать, как тебе поступить?

— А ты разденешься?

Катя хмыкнула и снова пригубила вино, порочно-призывный блеск в ее глазах сменился на насмешливый.

— Вот видишь, Илья, что и требовалось доказать. Если бы ты и вправду хотел заниматься наукой, ты бы не сидел и не раздумывал, идти тебе в аспирантуру или нет. Но даже если бы и хотел, наш универ — довольно странный выбор. Если уж идти в аспирантуру, то лучше делать это в Германии. С немецким дипломом у тебя будет намного больше возможностей для карьеры... Илья, ты меня слышишь?

Не в силах отвести взгляда от Катиного лица, Илья медленно поднялся, взял из ее рук бокал и сказал:

— Прости, но теперь мне просто необходимо это увидеть — как ты раздеваешься, прямо здесь, на кухне.

На факультете бурлила обычная для конца семестра жизнь. Зачетная неделя должна была вот-вот завершиться, отличники уже заслужили себе передышку перед сессией, двоечники же насмерть бились за право быть допущенными к экзаменам. Все остальные были распределены между этими двумя состояниями, и Илья был почти уверен, что распределение это очень близко к Гауссовому. Чего он, однако, не мог предвидеть, так это насколько вся эта жизнь стала для него чужой. И еще — совершенно неважной. Если каждый день тебе выпадает шанс повлиять на жизнь целого города, на то, каким он будет в ближайшие четыре года, все остальное начинает казаться мышинной возней.

Илья застал профессора Еремеева в его кабинете. Тот был одним из немногих на факультете, у кого был собственный персональный компьютер. Когда Илья постучал и вошел, Еремеев сидел перед монохромным экраном массивного, почти кубического монитора и что-то набирал на клавиатуре, сверяясь с исписанными от руки страницами. Илья поздоровался и, пока шел от двери к столу научного руководителя, в который раз ощутил, как что-то огромное и величественное, но при этом математически выверенное вторгается в сознание, подчиняет себе его волю. Наверное, не существовало более точной иллюстрации для «храма науки», чем кабинет его шефа. Даже не так — кабинет профессора Еремеева просто убирал кавычки с этого словосочетания и делал это чертовски убедительно. В тот момент, когда Илья входил в просторную комнату, стены которой были заставлены высокими, до самого потолка, книжными стеллажами, мир у него за спиной переставал существовать. Оказываясь здесь, Илья вдруг забывал в одночасье, что собирался сказать и о чем думал еще мгновение назад. И дело было не столько в обстановке или же в книгах, сколько в самом Еремееве. Коротко стриженный, в пиджаке и черной рубашке, с внимательным взглядом немигающих карих глаз, которые, казалось, знали что-то такое, к чему Илье не суждено было даже приблизиться. И еще очки — в отличие от вчерашней встречи на площади Мужества — сейчас они были на месте.

Профессор Еремеев дождался, когда Илья усядется напротив него, и без каких-либо предисловий перешел к делу. Илья же, как и всегда в присутствии шефа, вдруг по-

чувствовал себя маленьким и неуверенным в себе, и это не имело никакого отношения к росту — Геннадий Алексеевич был одним из немногих, кто подавлял его интеллектуально. Илья сталкивался с этим крайне редко, а потому каждый раз словно заново открывал для себя, каково это — быть умственно неполноценным. Между тем Еремеев не сказал ничего нового, да он и не ставил перед собой такой цели. Единственное, чего он хотел, — это усилить, насколько возможно, гипнотическое воздействие храма науки, в котором Илья так опрометчиво сейчас оказался.

Люди не рождаются равными, сказал Еремеев. Как бы нам этого ни хотелось. Это правда, о которой не принято говорить. Но которая от этого не перестает быть правдой — большинство людей не способно внести вклад в развитие человечества. Они не пригодны к наукам, они вообще не приспособлены к какой-либо творческой деятельности, и с точки зрения эволюции их не существует: от большинства живущих не останется вообще ничего. Их удел — потреблять, продлевая, насколько возможно, свое бессмысленное существование. Каждый день просыпаться, вставать, идти на работу, чтобы взамен получить для себя немного денег. Или много — деньги вообще не имеют отношения к смыслу. После чего потратить заработанное, тем или иным способом вызвав у себя выброс эндорфинов. И так по кругу, десятилетиями, в забвении, до самой смерти. Это жизнь насекомых, а не людей, сказал Еремеев. Абсолютно вегетативное существование. И не нужно тешить себя, что программистов это не касается. Касается. Это тот же самый паттерн, даже хуже. Потому что есть тысячи и тысячи натасканных в вузах людей, которые в состоянии написать базу данных для сети бензоколонок или автоматизировать бухгалтерский учет. Но если этим начнет заниматься Илья Субботин, это будет равносильно катастрофе. Потому что с того, кому много дано, — а вам, Илья, сказал Еремеев, дано очень много, — и спрос совершенно другой. У таких людей нет права разменивать себя, особенно когда они на пике интеллектуальной формы. И очень важно понять это сейчас, сегодня, а не когда Илье будет за тридцать. Именно поэтому выбор нужно сделать как можно быстрее, его опасно откладывать даже на год — то, что у обычных людей называется жизнью, затягивает быстро и почти всегда незаметно. И да, сказал Еремеев, аспирантура — это непросто, он все понимает, ведь еще целых три года Илья де-факто будет студентом. Но оно того стоит. Те открытия, что будут сделаны, те статьи, что будут опубликованы за эти три года, — только они, по большому счету, и останутся здесь после Ильи. И если, окончив аспирантуру, Илья все же решит, что наука — это не его, ученая степень уж точно не будет лишней. Напротив — позволит ему претендовать на более высокую позицию в IT-индустрии. Особенно когда в Петербург придут иностранные инвестиции, и тут начнут открываться представительства крупнейших компаний мира — нынешнее руководство города много делает в этом направлении...

Еремеев еще какое-то время говорил в том же духе, но пассаж про руководителей города неожиданно разрушил очарование храма науки. И если бы у Ильи была возможность отследить цепочку ассоциаций от начала и до конца, он бы, без сомнения, удивился. Потому что упоминание городской администрации потянуло за собой мысли о предвыборной кампании, а они — в свою очередь — вытащили воспоминания о вчерашнем пикете на площади Мужества и о встрече с научным руководителем. Илья вспомнил, с каким трудом профессор Еремеев выдирался из восьмидесятого автобуса, и это разом обесценило все те слова, что он сегодня услышал. Потому что было совершенно непонятно, как можно быть таким известным ученым, как Еремеев, и ездить при этом на общественном транспорте? Если беззаветное служение науке не позволило его шефу к пятидесяти годам обзавестись даже подержанным автомобилем, то грош цена такой науке. По крайней мере, она ему такая точно не нужна, он пас. В его голове вдруг пронесся — во всех мельчайших подробностях — вчерашний разговор

с Катей, и Илья поднялся со стула, прервав Еремеева на полуслове. Тот замолчал, удивленно и при этом как-то затравленно, и Илья увидел, как медленно сдувается, превращаясь в безвольно обвисший воздушный шарик, интеллектуальное превосходство его научного руководителя.

— Извините, Геннадий Алексеевич, я хотел уточнить. Про аспирантуру. Вам важно, чтобы я продолжил обучение в аспирантуре? Или же — чтобы поступил в аспирантуру именно к вам? Под ваше научное руководство?

— Что вы имеете в виду, Илья? — тихо проговорил Еремеев, хотя было видно, что он все прекрасно понял.

— Что, если я буду учиться в аспирантуре за границей? В той же Германии, например?

На несколько секунд в комнате повисло молчание. Отчетливая пауза, во время которой в кабинете стихли все звуки, и даже пение птиц перестало доноситься через открытую фрамугу окна. Когда Еремеев заговорил вновь, он сказал все, что обязан был сказать. Что был бы очень рад за Илью. Что аспирантура за границей — это отличный шанс. И что для него самое важное, чтобы Илья реализовал свой потенциал, свои неординарные способности — и так далее и тому подобное. Но за ту оторопелую паузу, что стусилась вдруг в кабинете, Илья успел разглядеть на обнажившемся, словно рана, лице Еремеева главное: обиду, корысть, разочарование, даже злость. Поэтому Илья не стал больше ничего объяснять. Он просто сообщил своему бывшему научному руководителю, что не собирается поступать после защиты в аспирантуру, развернулся и навсегда покинул храм науки.

16. «Академическая»

На утреннем инструктаже в штабе царило непривычное оживление. Илье даже почудилось, что он на несколько дней выпал из жизни и все пропустил. Что выборы уже состоялись и что Собчак, судя по сияющему виду Константина Александровича, на них победил. Но очень быстро выяснилось, что его провалы в памяти если и не отменяются вовсе, то, как минимум, откладываются — руководитель штаба торжественно объявил присутствующим о результатах последнего перед выборами социопроса. Собчак впервые за эти две недели обошел Яковлева, причем сразу на целых пять процентов: пятьдесят и семь десятых — сорок пять и шесть десятых в пользу действующего мэра.

— Но и это еще не все, — многозначительно проговорил Константин Александрович, его внутреннего коршуна или стервятника — Илья так и не определил, к какому роду из семейства ястребиных он относится, — сегодня просто распирало от радости, — Яковлев, накануне отказавшийся от участия в дебатах, под угрозой снятия с выборов все-таки вынужден был на них согласиться. Так что дебатам — быть!

Последняя фраза руководителя штаба потонула в аплодисментах.

— Все, Илюх, — прокричал Илье сидящий рядом Марат, — песенка завхоза спета!

По дороге к месту пикетирования автобус штаба попал в пробку, но никто, казалось, этого не заметил. Все сидящие в салоне возбужденно обсуждали предстоящие дебаты, у Ильи же не выходили из головы цифры социопроса. Что-то не сходилось, и Илья долго не мог ухватить это «что-то». И только когда он вспомнил разговор с Маратом в первый день, в голове чуть слышно щелкнуло, и пазл наконец сложился. Так всегда и происходило, Илья мог часами размышлять над очередным алгоритмом: разрозненные куски уже использованных блок-схем, какие-то формулы и переменные, обрывки циклов — все это перемешивалось внутри, сталкивалось друг с другом, наслаивалось и взаимопроникало, пока из этой хаотичной мешанины вдруг не кристаллизо-

валось нечто настолько простое и красивое, что было удивительно, как он умудрился не увидеть этого с самого начала.

— Марат, помнишь, в первый день ты объяснял мне, из-за чего у Яковлева такой высокий рейтинг?

— Ну.

— Мне кажется, с последним соцопросом есть проблемы, и рейтинги Собчака и Яковлева нельзя просто так сравнивать. У Яковлева рейтинг складывается из людей, проголосовавших в первом туре. И неважно, голосовали они за самого Яковлева или же за кандидатов, что Яковлева потом поддержали. Важно, что эти люди, скорее всего, придут и на второй тур тоже. То есть это более-менее реальный рейтинг. У Собчака же все не так. Проголосовавших за него в первом туре всего двадцать девять процентов, и перед вторым туром его никто из проигравших кандидатов не поддержал. А между тем его рейтинг сейчас пятьдесят и семь десятых процента, то есть получается, что он в полтора раза завышен.

— Чего-то я не догоняю, Илюх, — казалось, Марат слушал его вполуха, сам же он находился сейчас где-то совсем в другом месте.

— Так тут и нечего догонять. Яковлев сейчас по соцопросам проигрывает, но все его избиратели придут на участки. А у Собчака, несмотря на высокий рейтинг, из трех избирателей проголосуют только два. И это при условии, что явка будет не ниже, чем в первом туре. Поэтому сейчас нужно не с Яковлевым бороться, а сосредоточиться на повышении явки избирателей. Чем больше явка, тем выше у Собчака шансы.

— Ну может быть, — проговорил Марат задумчиво, он продолжал витать в облаках, и Илья вдруг понял, что он уже примеряет на себя должность в администрации губернатора, — А может, и нет. И вообще, ты же слышал, что Костя сказал, — дебатам быть. Это сейчас главное.

Когда они добрались до станции метро «Академическая», места сегодняшнего пикета, неожиданно испортилась погода. С утра подававшее — как и рейтинги Собчака — большие надежды солнце вдруг обернулось тревожным свинцом низкого неба. Дождя еще не было, но им ощутимо пахло, вернее, даже не им, а почему-то — в нарушение детерминизма — сразу мокрым асфальтом. К этому запаху примешивалось гудящее напряжение небесного электричества, обещание близкой грозы и чего-то еще — чего-то мрачного и непоправимого. Илья вскрыл полученные в штабе пачки с листовками и сразу понял чего. Оказывается, и Яковлев-коммунист, и московская угроза — все это были только цветочки. Созревшие плоды Илья держал сейчас в руках, и его подташнивало от одного их вида. Раздавать сегодня предлагалось ксерокопии статей из газеты «Вечерний Петербург», Илья не стал даже их читать, просто пробежал глазами по заголовкам: «Неизвестные факты из жизни Владимира Яковлева», «Яковлев послал строителей на три буквы», «Кого выберем? Достойного губернатора или нового Мавроди?».

На секунду его взяла самая настоящая оторопь. Он что, и вправду собирается раздавать людям вот это? Илья еще раз посмотрел на листовки, и ему вдруг захотелось бросить все и уйти. И не просто уйти, Илья с тоской признался себе, что готов бежать отсюда, готов уехать куда-нибудь далеко-далеко, только бы не видеть всего этого. Неужели Катя была права: здесь действительно никогда ничего не будет? И неужели никто, кроме него, не понимает: этими листовками они только отталкивают людей от Собчака? Илья посмотрел на высокого, уверенного в себе Марата, раздающего листовки направо и налево, — да, похоже, не понимает. И ведь Марату было бессмысленно даже пытаться что-то объяснять сейчас, предстоящие дебаты окончательно лишили и его, и людей в штабе остатков самокритики и разума.

И тут Илья вдруг вспомнил ту самую аналитическую записку, опубликованную в газете «Смена». Да, в Кремле решили поддержать Яковлева, он про это читал, но ведь эта помощь может быть разной. Можно было дать команде Яковлева денег или прислать ему команду пиарщиков. А можно — у Ильи даже все похолодело внутри — можно было найти в ближайшем окружении Собчака человека, который «сошьет» предвыборную кампанию мэра, сделает ее максимально неэффективной. Чем это не объяснение всему происходящему? Всем этим «грязным» листовкам, хаосу и полному отсутствию какой-либо стратегии. Правда, додумать эту мысль Илья не успел — нужно было начинать работать. Он взял несколько листовок, но не стал их никому предлагать, просто держал для виду в руках, выкрикивая время от времени: «Второго июня — решающий тур выборов губернатора Петербурга. Приходите и сделайте свой выбор!» И лишь когда кто-нибудь специально подходил к нему за листовкой, неохотно разжимал пальцы, стараясь не встречаться с человеком взглядом. Было странное ощущение, что он сейчас перечеркивает все, что было сделано до сих пор. И что любое бездействие было бы намного лучше того, чем он теперь занимается. Снова нестерпимо захотелось послать все к чертям и уйти, выбросить ксерокопии грязных газетных статей и немедленно вымыть руки, но Илья так и не ушел, так и продолжил стоять возле стенда с цветной фотографией мэра, на автомате выкрикивая призывы голосовать во втором туре и стыдливо избегая протягивать прохожим листовки.

Почти сразу неподалеку от них возник пикет «яковлевцев». В последние дни это стало их обычной тактикой, и у Ильи сложилось ощущение, что конкурентам важнее нейтрализовать агитацию за Собчака, чем убедить людей голосовать за Яковлева. Тем более здесь, на севере города, где позиции Яковлева и так были очень сильны. Яковлевских агитаторов было четверо, как и всегда, и даже в этом они переигрывали штаб Собчака. Илья пригляделся и неожиданно узнал в одном из пикетчиков щербатого парня, что неделю назад стащил у него пачку листовок.

На исходе второго часа Марат отправился к яковлевскому пикету за листовками — он продолжал собирать и отвозить в штаб агитматериалы конкурентов. Над ним вволю поиздевались, кто-то из «яковлевцев» даже в шутку позвал его к себе — и денег больше, да и перспектив тоже, — но листовки все-таки дали. Илья подошел к Марату и посмотрел, что тот принес. «Стрекоза и муравей», «Обещания и дела „ходока во власть“», «Яковлев или светский лев?» — команда Яковлева продолжала гнуть свою линию, которая на фоне полученных сегодня в штабе листовок казалась верхом политкорректности. Даже удивительно, как все перевернулось с ног на голову за какую-то неделю.

Спустя полчаса «яковлевцы» нанесли ответный визит. Чего-то подобного, наверное, следовало ожидать, но Илью это застало врасплох. Он как раз остался у стенда один, Марат попросил у него сигарету и отошел — курить в пикете категорически запрещалось. И именно в этот момент к Илье вразвалочку подошел тот самый высокий щербатый парень с золотой цепочкой на шее. Во рту у него по-прежнему не хватало переднего зуба, а ухмылка была все такой же кривоватой и наглой. Парень остановился напротив Ильи, посмотрел на него сверху вниз и молча протянул руку. Илья не пошевелился.

— Ладно, не ссы, — проговорил, усмехнувшись, «яковлелец», — Дружбан твой приходил за листовками, так что давай, че там у тебя, не жмись.

Илья почувствовал, как у него вспотели ладони. Парень выжидающе смотрел на него, и Илья нехотя протянул ему несколько листовок. «Яковлелец» хмыкнул, продемонстрировав дырку в зубах, развернулся и начал было отходить от Ильи, но, бегло просмотрев листовки, вдруг остановился.

— Слышь, ты. Это че, б..., еще такое?

Парень подступил вплотную к Илье, размахивая листовками и матерясь. Илья же на несколько мгновений буквально оцепенел от абсурда происходящего — единственным человеком, кого возмутили сегодняшние агитматериалы, оказался гопник из группы поддержки Яковлева. Из-за разницы в росте парень почти нависал над Ильей, со стороны они составляли довольно странную пару — невысокий, плотно сбитый Илья и худощавый, похожий на вопросительный знак-переросток яковлевский активист. Илья смотрел на брызжущее слюной рябое лицо, на покрасневшие мутные белки глаз и оскалившийся рот и чувствовал, как откуда-то изнутри, из солнечного сплетения вверх, к горлу поднимается обжигающая, слепящая ярость. Злость на себя, на устройство этого мира, досада на то, что, даже участвуя в чем-то правильном и важном, ему все равно пришлось перепачкаться с ног до головы. Так что теперь даже это ничтожество, чуть ли не олицетворение всего того, во что рискует превратиться город при Яковлеве, имеет право орать на него, угрожать, напрыгивать сверху.

— Слышь ты, мелкий, оглох, что ли?

Илья дернул головой, выходя из оцепенения, правая рука, сама собой двинулась вверх и вперед, к ненавистой щербатой роже, на ходу группируясь в стальной, с побелевшими костяшками кулак. Илья полностью отдался этому движению, он постарался вложить в него все свое разочарование, все свое недовольство бездарно проводимой предвыборной кампанией мэра, что копилось последние несколько дней. И когда его удар уже почти достиг цели, парень вдруг сделал быстрый шаг назад и резко взмахнул длинной рукой. Все случилось настолько молниеносно, что Илья ничего даже не почувствовал, в следующую секунду он уже лежал на спине, и на пару мгновений рябое перекошенное лицо сменилось тяжелым свинцовым небом. Затем парень прыгнул на него сверху и успел нанести несколько ударов — по лицу и по груди, — прежде чем его оттащили подбежавшие к дерущимся люди. Впрочем, сам Илья ничего этого не видел — после первого удара он инстинктивно прикрыл голову руками, а когда пришел в себя, уже сидел в милицейском уазике.

Сильно гудела голова, саднило губу и левую скулу, а на белой рубашке темнели, подсыхая, продолговатые пятна крови. Грузный милиционер, одетый — будто нарочно — в форму на два размера меньше, сидел на переднем пассажирском сиденье и оформлял протокол. Его напарника не было, как не было в машине и щербатого яковлевского агитатора, с которым Илья подрался. Марат тоже отсутствовал, хотя он вполне мог остаться на площади перед метро — патрульная машина была припаркована с противоположной стороны станции «Академическая». Милиционер попросил у Ильи документы, и тот передал ему через решетку паспорт и удостоверение активиста группы поддержки Собчака. Увидев удостоверение, сотрудник милиции перестал заполнять бумаги и в нерешительности почесал авторучкой за ухом. В этот момент в стекло постучали. Илья повернулся и увидел бледное лицо Марата, а еще дальше, за его спиной — строгую и внушительную фигуру Константина Александровича. Милиционер, кряхтя, вылез из машины, и спустя несколько минут после переговоров с руководителем штаба дверь патрульного уазика открылась, и Илья услышал: «На выход».

Не проронив ни слова, Константин Александрович развернулся и направился к площади перед метро. Илья пошел следом, чувствуя, как каждый шаг метрономом отдается в левой стороне головы. Марат замыкал шествие, делая его похожим на конвоирование.

— Скажи спасибо Марату, Субботин. Если бы он оперативно меня не проинформировал, еще неизвестно, чем бы твоя драка закончилась, — проговорил руководитель штаба, когда они добрались до брошенного возле метро стенда. — Обязательно было провоцировать конкурентов?

Илья ощупал языком болезненную изнанку щеки, прикоснулся пальцами к разбитой, вспухшей губе и поморщился от боли. На оставленном без присмотра стенде

кто-то изрезал ножом фотографию мэра, листовки были вытряхнуты из пачек и разбросаны по асфальту. Пикет «яковлевцев» исчез.

— Это вы мне говорите о провоцировании конкурентов? — наконец произнес Илья. — Серьезно? Это я, по-вашему, придумал эти листовки раздавать?

Он наклонился, подобрал с земли одну из ксерокопий — «Неизвестные факты из жизни Владимира Яковлева» — и показал ее Константину Александровичу.

— И правильно сделали, что меня избили. Может, если бы за каждую такую листовку мы получали по лицу, в штабе трижды подумали бы, прежде чем печатать такое.

— Илья, послушай... — вступил в разговор Марат, который выглядел сейчас еще более испуганным, чем когда стучал в окно милицейского узника.

— Подожди, Марат, — прервал Марата Константин Александрович, его птичий профиль заострился, глаза прищурились. — Пусть Субботин расскажет нам, как нужно проводить агитацию.

Превозмогая пульсирующую боль в разбитой губе, Илья изложил все то, о чем думал в последние дни. И про повышение явки. И про то, что вместо поливания грязью конкурента можно было просто рассказать людям, что было сделано в городе Собчаком-мэром, а главное — что тот собирается сделать на посту губернатора в следующие четыре года.

— И если честно, — закончил Илья, — глядя на нашу предвыборную кампанию, создается ощущение, что кто-то в команде Собчака его просто «сливает»...

— Субботин, ты говори, да не заговаривайся, — грубо оборвал Илью Константин Александрович, снова возвращаясь на недостижимые простым смертным административные вершины. — В своем программировании ты, может, и гений, я не знаю, да мне и неинтересно, но только здесь тебе не точные науки. И сейчас всем уже совершенно очевидно — стратегия штаба сработала. Рейтинг нашего кандидата вырос беспрецедентно, и дебаты мы все-таки продавили. Ну а если и были какие-то издержки, то победителей, как известно, не судят. А вот ты, Субботин, если к завтрашнему дню не приведешь свое лицо в порядок, в штабе можешь не появляться — кого-кого, а гопников в пикетах нам точно не нужно.

17. Дебаты

После злополучного пикета у «Академической» Илья сел в троллейбус, отыскал свободное место и всю дорогу до дома ехал с закрытыми глазами. Во-первых, так меньше болела голова. А во-вторых, ему надоело ловить на себе любопытные взгляды: разбитое лицо и пятна крови на рубашке притягивали внимание не хуже костюма скормороха. И только переступив порог своей квартиры, Илья понял, насколько устал. Сил хватило лишь на то, чтобы переодеться и наскоро смыть кровь с лица и шеи, после чего он лег на диван и сразу же уснул. Он бродил по каким-то улицам, путаным и при этом смутно знакомым, он был уверен, что находится в Петербурге, но как ни пытался, не мог определить, где именно. Его блужданиям среди каменных фасадов с колоннами очень бы помогла река — выйдя к ней, он точно бы тогда сориентировался. Но вода ему только мерещилась, она дразнилась, обещая блеснуть черной амальгамой жидкого зеркала в конце каждой улицы. Но за поворотом обнаруживалась еще одна улица, а потом еще одна, и так до бесконечности. И как всегда бывает в таких случаях — чем дольше продолжается поиск, тем непредсказуемее результат. Поэтому Илью не сильно удивило, когда вместо прохлады вожденной реки он обнаружил что-то совершенно непохожее на воду: короткие, повторяющиеся через равные

промежутки удары. Он посмотрел по сторонам, но почти сразу понял, что звук метронома исходит из него, изнутри него. И еще — что этот метроном, в отличие от улиц, был ему хорошо знаком, именно он превратил его однажды в ослепительный и горячий столб света. Но сегодня короткие, на подкладке из эха щелчки действовали совсем по-другому, они застревали где-то в глубине черепной коробки и вместо света приносили монотонно пульсирующую головную боль. Которая в конце концов и заставила Илью открыть глаза.

За окном шел дождь, крупные тяжелые капли барабанили по карнизу, где-то вдалеке лениво гроыхнула гроза. Илья посмотрел на часы — оказалось, он спал чуть больше часа. Он взял в руки пульт, включил телевизор и отыскал Пятый канал. Там шел какой-то черно-белый фильм, Илья смотрел на мельтешение снятых крупным планом лиц на экране, но его мысли то и дело возвращались к увиденному во сне. Фильм сменился рекламой, Илья собрался было переключить канал, но остановился и даже прибавил звук. Телевизор вспомнил, что он цветной, на красно-сине-сером фоне появилась надпись «Выбираем губернатора», после чего на экране возник автомобиль «вольво», трехэтажный каменный особняк, очевидно, за городом, здание банка, витрины каких-то магазинов, а закадровый голос сообщил, что все это принадлежит Владимиру Яковлеву, незаконно обогатившемуся за счет петербуржцев. Илья поморщился — и от боли в губе, и от агитационного ролика, нажал на красную кнопку на пульте, прикрыл глаза и снова заснул. И сон, что пришел к нему на этот раз, был намного приятнее, чем первый. Ему приснилось, что Катя вернулась с работы, что она опустилась рядом с ним на диван и долго гладила его по волосам, приговаривая чуть слышно и нежно-нежно: «Мой бедный, бедный мальчик...»

Утром Илья долго рассматривал свое отражение в зеркале и не мог ни на что решиться. Его разбитая губа припухла и покраснела, но при определенном ракурсе и освещении ему вдруг начинало казаться, что это почти незаметно. А спустя какое-то время его побитая физиономия вообще примелькалась настолько, что Илья понял: самому ему не справиться, нужен взгляд со стороны.

— Конечно, видно, что разбита, — с ходу сказала Катя, когда Илья спросил ее про губу. — Но разве дело в лице? Лучше скажи: ты действительно хочешь стоять в пикете после всего, что с тобой случилось?

— Так ведь это как раз и зависит от состояния моего лица, я же тебе говорил.

— Илья, ты никогда не замечал, что все твои занятия — помимо программирования — неизменно заканчиваются травмами, причем всегда — головы? — спросила Катя. — Что панк-рок, что выборы эти. Может, уже успокоиться и начать вести обычную жизнь компьютерного гения?

— Это какую, например? — спросил Илья.

Катя пожала плечами.

— Зарплата в сотню тысяч баксов, красавица жена, спортивный автомобиль, дом на берегу океана, ну, или хотя бы Рейна. Ты что, правда думаешь, что они не выберут без тебя Собчака? А если и не выберут, то не Собчак-то и был.

— Я не могу сейчас все бросить, осталась всего пара дней, — Илья помрачнел и сам не мог сказать, из-за чего именно — то ли действительно из-за предстоящего пикета, то ли из-за того, что так и не ставшая его женой красавица Катя неожиданно упомянула какую-то гипотетическую супругу Ильи.

— Ну, как скажешь, — Катя взяла его за руку и подвела к окну. — Тогда встань поближе к свету, я все сделаю. И скажи спасибо, что я заставила тебя вчера лед к губе приложить, как ты ни сопротивлялся.

Катя принесла косметичку и за какие-то пять минут замаскировала следы побоев. Она полюбовалась на то, что получилось, и вдруг приблизила свое лицо к Илье и чмокнула его в губы. Илья вскрикнул от боли.

— Извини, — сказала Катя без тени сожаления и вышла из комнаты.

Приехав в штаб, Илья с удивлением узнал, что сегодня, в пятницу, был последний день предвыборной кампании. В субботу объявлялся день тишины, когда любая агитация была запрещена, затем собственно выборы и все. Но видя неразбериху, царившую вокруг, Илья не мог отделаться от ощущения, что предвыборная кампания закончилась уже сегодня. Предстоящие дебаты, словно цунами, прошли по штабу — никто ничего не знал и ни за что не отвечал, и Илья потратил полчаса только на то, чтобы добиться наконец от Жени, возбужденного и, как всегда, вспотевшего, где у них с Маратом сегодня пикет. Потом выяснилось, что никто так и не починил изрезанный накануне «яковлевцами» стенд, пришлось срочно искать фотографию Собчака и наспех приклеивать ее скотчем. Несмотря на всеобщий хаос, Константин Александрович не забыл, однако, о вчерашнем инциденте, он специально отыскал среди суетящихся активистов Илью и несколько секунд придирчиво рассматривал его лицо: очевидно, он чувствовал, что дело нечисто, но внешний вид Ильи был безупречен — Катя знала свое дело. Так что Константин Александрович дежурно попросил Илью в последний день обойтись без милиции и отошел.

В автобусе Марат рассказал Илье последние новости. Команда Яковлева распустила в городе слухи, что Собчак его заказал, буквально: нанял киллеров для устранения конкурента. И поэтому Яковлев теперь демонстративно появляется везде в сопровождении телохранителей. Еще Яковлев обратился к союзникам по коалиции и гарантировал каждому из них должность в правительстве города. Марат рассказывал все это с нескрываемой иронией, чуть ли не ерничая, как будто речь шла о предсмертных судорогах обреченного на поражение врага. Однако Илье так совсем не казалось. Особенно после того, как к ним, только приехавшим на место и не успевшим еще установить стенд, подошли две женщины из «яковлевского» пикета и вручили свежее отпечатанную листовку. Она называлась «Впереди большая работа! Мы выбираем Яковлева!» и наносила по Собчаку сразу четыре удара. Болдырев, занявший третье место в первом туре, открыто выступил против мэра («власть в городе должна обязательно смениться»), Лужков пригласил Яковлева к совместной работе, Явлинский поддержал кандидатуру конкурента Собчака, а члены уже упоминавшейся сегодня коалиции (Артемьев, Щербаков, Беляков, Беляев) ожидаемо призвали голосовать за Яковлева.

Илья с Маратом отстояли в пикете всего три часа — раньше времени приехавший штабной автобус вместо сменщиков привез распоряжение руководства: досрочно прекратить дежурство, сдать стенд и оставшиеся агитматериалы и завтра утром явиться в штаб.

— Сегодня в десять вечера по Пятому каналу дебаты, не забудь, — сказал Илье Марат, когда автобус со стендом и остатками листовок скрылся из виду. — А хочешь, можно вместе посмотреть? Мы тут собрались, в штабе, узким кругом...

— Узким кругом?

— Ну да. Я, Женя, еще пара чуваков.

— Марат, а почему вы все так уверены, что Собчак выиграет дебаты? А если не выиграет, что тогда?

Марат снисходительно, сверху вниз посмотрел на Илью и покачал головой.

— Илюх, ты что — забыл, кто такой Яковлев? Понятно, что деньги творят чудеса и все такое и что можно из любого чмо сделать конфетку. Но эта конфетка хороша только в рекламных роликах и на плакатах. Но когда этот ноль без палочки встретит-

ся в прямом эфире с одним из лучших ораторов страны, тут-то и произойдет разоблачение всех этих московских фокусов. В точности по Булгакову — не зря ведь Яковлев как огня боялся этих дебатов. Ну так что, в штаб поедет сегодня вечером?

Илья представил себя в компании Марата, Жени, каких-то еще незнакомых ему людей, очевидно так же, как Марат, грезящих о трудоустройстве в администрации губернатора, и отказался.

Когда Илья добрался до квартиры, Кати еще не было. Он достал из холодильника запотевшую бутылку пива и долго сидел на балконе, стряхивая пепел в шевелящуюся, будто бы пытающуюся ему что-то сказать листву. Илья так и не смог разобрать ни слова из языка деревьев, зато приехавшая с работы Катя была прямолинейна и доходчива и наотрез отказалась смотреть вместе с ним дебаты. Она напомнила ему, что сегодня вечер пятницы, и выразила опасение, что Илья совсем повредился в рассудке со своим Собчаком и выборами. После этого Катя созвонилась с подругами, надела красное платье, туфли на высоких каблуках и уехала в неизвестном направлении. Но перед этим снова — точь-в-точь как сегодня утром — больно поцеловала Илью в уже зажившие было губы.

Ровно в десять вечера Илья включил телевизор и устроился поудобнее на диване. Трансляция задерживалась, но спустя несколько минут на экране все-таки появилась студия с гербом города на стене, стол с ведущим по центру и с двумя кандидатами, сидящими друг напротив друга. Все началось торжественно и подчеркнуто официально, ведущий упомянул закон о выборах губернатора Санкт-Петербурга, представил кандидатов и объявил о регламенте — десять минут каждому на вступительное слово и по тридцать пять минут на вопросы-ответы. Далее телезрители увидели представителей горизбиркома, которые должны были наблюдать за дебатами и отслеживать положенное каждому из кандидатов время. Согласно жеребьевке, первым выступал Яковлев, и Илья поймал себя на мысли, что предвыборная кампания явно пошла тому на пользу. Яковлев выглядел спокойным, не суетился и был — уже по традиции — в белой рубашке без пиджака, ни дать ни взять — ожившее изображение с плаката «Впереди большая работа». «Наверное, думает, что в пиджаке избиратели его просто не узнают», — подумал Илья. Яковлев дежурно прошелся по Собчаку, по уголовному делу о коррупции в мэрии, по грязным технологиям, использованным против него во время предвыборной кампании. Сказал, что не обижается, когда его называют прорабом — потому что именно «прорабы строят, прорабы создают», да и президент ведь тоже был прорабом... Яковлев говорил что-то еще, но Илья не мог оторвать взгляда от его рук — кисти были узкими, чересчур бледными и какими-то мелкими, непропорционально маленькими по сравнению с остальным телом, точь-в-точь как нападки Яковлева на Собчака.

Когда пришла очередь мэра, тот, казалось, был в состоянии уничтожить оппонента одним своим видом. Представительный, породистый, в сером костюме, идеально подходящем к поседевшим волосам, Собчак не стал реагировать на выпады бывшего заместителя, а просто подвел итог своей деятельности в качестве мэра и спокойно и веско перечислил, в чем заключается работа губернатора и почему тот должен быть не просто хозяйственником, но еще и политической фигурой. Работа в Совете Федерации, отстаивание интересов города в федеральных структурах, работа в Законодательном собрании, управление городом, неформальное общение с бизнесом — чем дольше Собчак говорил, тем мельче и мельче становился сидящий напротив него обычный работяга-строитель, волей судьбы получивший шанс вскарабкаться по отвесной стене на верхние этажи власти. Теперь Илье стало понятно, почему все в штабе так ждали этих дебатов и почему были уверены в победе Собчака — слишком уж разные бы-

ли у оппонентов весовые категории. Илья еще раз внимательно взгляделся в Собчака и вдруг понял, кого тот ему напоминает — птицу, гордую и сильную птицу. Главную птицу в городе, чей образ транслировался затем на всех поголовно в администрации мэра. Вот откуда у Константина Александровича этот узнаваемый птичий профиль, уверенный в себе и хищный одновременно.

Закончив вступительное слово, Собчак без какой-либо паузы и отмашки ведущего задал Яковлеву свой первый вопрос, и в этот момент Илья отчетливо услышал, как обрушивается та величественная монументальная конструкция, которую последние десять минут воздвигал перед слушателями мэр. Слишком уж фундаментальные вещи говорил Собчак до сих пор, и слишком ничтожна была та претензия, которую он высказал в конце выступления своему бывшему заместителю — неразбериха с парковкой машин на улицах города. Ко всему прочему, ведущий дебатов окончательно устранился, вернее, сам Собчак его и устранил, он задавал теперь Яковлеву вопрос за вопросом, и очень быстро выяснились две вещи: ошибочность выбранной мэром стратегии и неожиданная способность Яковлева не только держать удар, но и мастерски переводить стрелки. «Что же вам мешало? — снова и снова вопрошал Собчак. — Что мешало вам выполнять свою работу на посту заместителя мэра?» И Яковлев очень убедительно объяснял что: недостаток финансирования, все деньги в бюджете города контролировались Комитетом экономики и финансов и лично мэром. При этом любые цифры, которые Собчак приводил в качестве контраргументов, искусно обращались против него самого. Яковлев даже несколько раз обвинил мэра в некомпетентности, в том, что тот совсем не разбирается в управлении городским хозяйством и к тому же пользуется недостоверной информацией, подготовленной ему все тем же Комитетом экономики и финансов во главе с господином Кудриным. Вся эта схема, один раз возникнув, все повторялась и повторялась, словно кошмарное сновидение, из которого никак не вырваться. И под конец, когда Собчак в десятый, наверное, раз спросил Яковлева, почему тот не выполнил очередное распоряжение мэра, уже даже самому Илье захотелось крикнуть Собчаку: отчего же он сам три года терпел такого нерадивого заместителя? Почему не выгнал его взашей и не нашел человека, который будет справляться со своей работой? И зачем все это сейчас обсуждать? Понятно ведь, что любая ошибка Яковлева бьет прежде всего по самому Собчаку как его начальнику.

Когда Яковлеву надоело отвечать на вопросы Собчака, он заявил — даже не повернувшись к ставшему совершенно невидимым ведущему, — что теперь его очередь задавать вопросы. И потребовал с Собчака ответа за всю ту грязь, которую команда мэра вылила на соперника во время предвыборной кампании. Илья с тоской наблюдал за тем, как Собчак поначалу еще пытался что-то отвечать на очевидно небеспочвенные обвинения, но затем — когда речь зашла о показанном на ТВ ролике о богатстве семьи Яковлева — заявил, что пришел сюда обсуждать программу развития города, а не частную жизнь своего бывшего заместителя. На исходе первого часа в обмен репликами дебатующих все-таки вклинился заместитель председателя горизбиркома, который попросил кандидатов перестать выяснять отношения и перейти наконец к обсуждению программ, с которыми они идут на выборы. Оба кандидата единодушно с ним согласились, но так и продолжили переругиваться все оставшееся до конца дебатов время. Илье же оставалось только удивляться, как просто и в то же время красиво команда Яковлева нейтрализовала ораторский талант Собчака. Все достижения Собчака на посту мэра незамедлительно объявлялись заслугой возглавляемого Яковлевым Комитета по управлению городским хозяйством. Любые же претензии к работе Яковлева мгновенно транслировались на его непосредственного начальника. Все гениальное, как всегда, оказалось просто.

Под конец кандидатам дали по трехминутному заключительному слову, и дебаты завершились. Илья выключил телевизор, но растерянность, постепенно вызревавшая в комнате последние два часа, уже никуда не делась. Вопреки всем ожиданиям и прогнозам Собчак дебаты не выиграл, а Яковлев не проиграл.

И еще неизвестно, что было хуже.

18. День тишины

Всю ночь ему снился город, и таким он его еще не видел. Город выглядел остывшим и мертвым, брошенным и каким-то обреченным. Замешенная на тумане тьма, та самая, что совсем недавно была разорвана в клочья на подступах к городским окраинам, теперь была повсюду. Она погасила небо, обесточила фонари, сделав единственным источником света фасады домов. Это было так странно — абсолютно черный воздух, черные реки и каналы, набережные, тротуары, дороги. И светящиеся зеленовато-мертвенной бледностью дома с пустыми глазницами окон. Словно кто-то покрыл фасады фосфоресцентной краской, выкрутив и разбив лампочку солнца. Но было что-то еще, что-то другое. И это было намного страшнее оставленного людьми города. Он смотрел на светящиеся фасады, на балконы, на эркеры и колонны, фантасмагорично проступавшие сквозь чернильную слепоту, и наконец осознал, чего здесь не хватает: его. В городе больше не было его. Это внезапная собственная сингулярность, это мгновенное и необратимое отторжение от города словно вывело его из-под действия законов материального мира. Он услышал, как со щелчком отключилась гравитация, и в тот же миг его тело оторвалось от земли, увлекаемое вверх каким-то другим, еще неведомым центром притяжения. Неторопливо поползли вверх этажи — от первого к последнему, это походило на движение лифта, только совершенно прозрачного, невидимого. Затем показались крыши, но движение вверх не прекратилось, оно даже немного ускорилось. Подъем продолжался, и он мог видеть теперь не только центр города, но и окраины. Там было все то же самое — непроглядная чернота улиц и парков и светящиеся зеленоватым крыши домов. Последнее, что он увидел перед тем, как город окончательно скрылся из виду, было странное и нереально высокое — как только и бывает во сне — здание. Похожее то ли на готовую к старту гигантскую ракету, то ли на длинный и узкий огонек пламени газовой зажигалки, только увеличенный в тысячи раз и выполненный из стекла и бетона...

Утро выдалось солнечным, оно обещало по-настоящему летний день — яркий, ослабленно-теплый и длинный-длинный. Лето наступило в этом году в точности по календарю — первого июня, и эта редкостная для питерского климата пунктуальность была удивительна. Но только не для Ильи — он шел к метро и настороженно вглядывался в просыпающийся город, остатки сновидения все еще ворочались у него внутри, заставляли искать подвох во всем, что он видел. Улицы и дворы, например, казались ему слишком пустынными, он не встретил на своем пути ни одного человека, люди появились только у самого вестибюля метро. Но потом Илья вспомнил, что сегодня суббота, и его отпустило. И словно в качестве компенсации за безлюдные улицы, доехав до станции «Площадь Ленина», Илья попал в самую настоящую давку на платформе. Целеустремленно спешащая — очевидно к уходящей с Финляндского вокзала электричке — толпа дачников штурмовала эскалаторы, оттесняя безбагажных пассажиров, вроде Ильи, всеми возможными средствами: сумками, баулами, рюкзаками, рыболовными снастями, сложенными пополам велосипедами, даже помидорной рассадой. Всякий раз, приезжая на «Площадь Ленина», Илья видел торопящихся к при-

городным поездом людей, но сегодня их было особенно много. Ему чудилось, что все эти люди в панике бегут из города, спасаясь от вторжения неведомых иноземных захватчиков. Еще ему бросилось в глаза, что сегодня среди дачников было необычно много людей, совсем не вписывающихся в расхожий типаж самозабвенных огородников и рыболовов. Интеллигентного вида, прилично — совершенно не по-дачному — одетые, они тоже спешили, почти бежали, увлекаемые толпой, но при этом было заметно, что они стесняются этой своей суетливости, чуть ли не прячут от окружающих взгляд.

В штабе не осталось и следа от вчерашнего воодушевления, было ощущение, что кто-то выкрутил регулятор горящих глаз на минимум. Константин Александрович отсутствовал, к темным от пота подмышкам Жени добавилась невыспавшаяся помятая физиономия. Точно такое же лицо было и у Марата, который, как выяснилось, провел ночь в штабе, заливая вместе с товарищами неудачные дебаты пивом «Балтика». В день тишины агитация была запрещена, поэтому вместо пикетов активистов отправляли на патрулирование. При этом каждая группа получала микрорайон, в котором им завтра предстояло работать наблюдателями. Вечером же всех собирали в штабе — ожидалась выплата за вторую неделю, а также инструктаж по работе на избирательных участках.

Илье с Маратом достались станция метро «Политехническая» и жилой массив, ограниченный Тихорецким проспектом и проспектом Науки. Штабной автобус заполнял стойкий запах перегара, не помогали даже открытые окна, но это, похоже, никого, кроме Ильи, не волновало. В чем именно состояло патрулирование микрорайона, Илья понимал лишь приблизительно. Марат брел рядом с Ильей, непрерывно отхлебывая воду из пластиковой бутылки и понимал еще меньше. Они обошли вокруг станцию метро, сорвали несколько листовок конкурентов и двинулись по Тихорецкому проспекту. Солнце поднялось уже высоко, на пронзительно-голубом небе не наблюдалось никаких атмосферных примесей — теплый летний день уверенно превращался в жаркий. Илья опять поймал себя на том, что на улицах как-то подозрительно мало людей, микрорайон словно вымер всего за одну ночь. Он сказал об этом Марату, но тот ничего не ответил, лишь приложил очередную, только что купленную бутылку с водой ко лбу. А потом и вовсе уехал, сказав, что ему нужно привести себя в порядок перед вечерним сбором в штабе. Оставшись один, Илья обошел микрорайон по периметру, затем углубился в утопающие в зелени многоэтажки и в конце концов вышел к зданию школы, в которой располагался избирательный участок. За все это время он увидел и сорвал всего две яковлевские листовки. Дольше заниматься загадочным патрулированием было бессмысленно, и Илья — после недолгих размышлений — отправился в центр.

На Невском, как обычно, было суетливо и многолюдно, и на контрасте с опустевшими спальными районами казалось, что здесь сейчас собрался весь город. Илья съел дюжину пышек на Большой Конюшенной, выкурил сигарету, сидя на скамейке напротив лидвалевского дома, и не торопясь направился к Конюшенной площади и дальше, к Марсову полю. Увиденное во сне так до конца и не отпустило его, напротив — сон будто сбил ему оптику, и Илья никак не мог отделаться от ощущения, что все, что он видит сейчас — весь этот парадный Петербург, все эти здания в стиле неоклассицизма и барокко, это бликующее на солнце, умиротворяющее течение воды в Мойке, — все это фальшивка. Обманка, красочная отретушированная фотография, не имеющая никакого отношения к действительности. По крайней мере, для тех, кому — как прошлой ночью Илье — удалось увидеть, как выглядит негатив: черные-черные дороги, тротуары, река, даже воздух и светящиеся мертвенной бледностью фасады домов. Город оказался намного сложнее, чем раньше представлялось Илье, и эта шизофре-

ническая раздвоенность, которую он теперь наблюдал вокруг себя, обескураживала и пугала. И одновременно с этим Илья чувствовал, что только сейчас, в этот самый момент он и сделал первый шаг к тому, чтобы по-настоящему узнать Петербург. А узнав, полюбить его еще больше. Пусть, скорее всего — он особенно пронзительно ощущал это сейчас, — безответно.

Когда Илья приехал в штаб, Марат был уже на месте. Он заметно посвежел, и, как ни странно, не только снаружи. Илья чувствовал, что парадигма изменилась, и Марат изо всех сил старался соответствовать этой обновленной тональности. Подобно утопающему, ему необходимо было хоть за что-нибудь ухватиться, и поскольку выбор был невелик, Марат выбрал для себя мантру про высокий рейтинг Собчака. Суждения о вчерашних дебатах тоже заметно смягчились. Марат несколько раз назвал происшедшее накануне боевой ничьей, которая — по своей нейтральной природе — никак не могла повлиять на рейтинг кандидатов, который у Собчака — мантра, мантра! — был выше. Илья не стал спорить, а когда начался инструктаж — последний в этой предвыборной кампании, — он сразу же понял, откуда дует ветер. Вышедший к активистам Константин Александрович артикулировал ровно те же идеи, приправив их убежденностью, что каждому здесь присутствующему нужно просто сделать свою работу как можно лучше, и тогда все получится. А работа теперь у всех была одна — не допустить фальсификаций на избирательных участках. Естественно, Константин Александрович не стал полагаться на один только энтузиазм, которого — после вчерашних дебатов — у всех заметно поубавилось, и выкатил денежный пряник: каждый наблюдатель на выборах получит по сто тысяч и еще сто в случае победы Собчака. Люди в комнате заметно повеселели, Илья же не мог отделаться от ощущения, что в руководителе районного штаба что-то неумовимо изменилось. Он вроде бы говорил то же, что и всегда, с теми же самыми профессионально выверенными интонациями, но в глазах нет-нет да и проскакивала глубоко запрятанная тоска и еще — безразличие к происходящему. Его внутренняя птица — как бы она ни называлась — очевидно, загрустила, словно уже предчувствовала грядущий изматывающий перелет в далеко не теплые края. И еще: Илье показалось, что Константин Александрович намеренно старается не встречаться с ним взглядом. По крайней мере, тот смотрел на кого угодно, только не на него.

После инструктажа Илья вместе с остальными активистами получил удостоверение наблюдателя от штаба Собчака, бланки актов о нарушениях, а также памятку о том, как вести себя на избирательном участке. Оставалась еще выплата за прошедшую неделю, и Илья, воспользовавшись неразберихой перед кабинетом, в котором Женя отсчитывал денежные знаки, тихо выскользнул из возбужденной нетерпеливой толпы. Не могло быть и речи о том, чтобы взять деньги за те листовки, которые они с Маратом раздавали всю неделю на пикетах. Во всяком случае, мироздание уже сполна расплатилось за это с Ильей, прислав в качестве оружия возмездия шербогatego гопника с Гражданки. И вообще — до тех пор, пока Илья не прикоснулся к этим деньгам, он мог говорить себе, что совершил ошибку, что ему следовало отказаться, не участвовать в этой грязной кампании, но он отчего-то не сделал этого, проявил нерешительность, мягкотелость — что угодно. Он мог стыдиться случившегося, пытаться как можно скорее про это забыть, но все еще имел возможность объяснить происшедшее высшими целями. Деньги же все меняли: взяв их, Илья не только признавал, что способен был сделать подлость за вознаграждение, но и что его самого, его убеждения и принципы можно было элементарно купить. И тут уже никакие угрызения совести не помогут.

— Ты чего такой смурной? — спросила Катя Илью, когда тот приехал домой. — Собчак снял свою кандидатуру с выборов?

— Что? То есть как снял? — Илья не сразу понял, что Катя шутит, и на пару мгновений и впрямь поверил, что пропустил что-то важное, пока ехал из штаба. — Нет, конечно. Вернее, надеюсь, что нет.

Илья вгляделся в смеющиеся глаза Кати, очевидно довольной тем, что ей удалось его разыграть, и покачал головой. Затем помедлил и рассказал Кате, что сегодня в первый раз отказался от денег.

— Правда? От каких?

— От грязных.

— Ну и молодец, — сказала Катя. — Вот тебе за это мой чистый поцелуй.

Катя подошла к Илье и поцеловала его в губы. Он обнял ее за талию и притянул к себе, но Катя демонстративно отстранилась.

— Нет, Илья, ты чего? Это же чистый поцелуй, — и сразу, почти без перехода: — Я купила бутылку крымского портвейна. Отметим?

— Что отметим?

— Как что? Конец предвыборной кампании, — сказала Катя и поставила на стол зеленую бутылку с насыщенно-пурпурной жидкостью и надписью «Массандра» на этикетке.

— Как бы не так, — вздохнул Илья, — мне еще завтра весь день наблюдателем на участке работать.

— Да? Но выпьем-то мы уже сегодня? — процитировала Довлатова Катя.

Илья улыбнулся, с глухим пробковым хлопком открыл бутылку и разлил портвейн по бокалам. Катя сказала «Prost!»⁶, сделала несколько глотков, и тотчас ее губы пропустили призывно-алым на бледном красивом лице. Илья тоже пригубил свой бокал, но сразу же отставил его, словно услышанное немецкое слово разом превратило в воду терпкий букет выдержанного в бочках портвейна. Он поднялся, вышел из кухни и через минуту вернулся с учебником немецкого.

— Кать, извини, я с этими выборами совсем язык забросил. Покажи еще раз, какие диалоги я должен был выучить.

Катя посмотрела на Илью, закрыла протянутый ей учебник и, наклонившись через стол, взяла его за руку.

— Ну что такое, Илья? Что случилось?

Илья сжал прохладную Катину ладонь и долго молчал. Он вспомнил сегодняшний сон и прогулку по центру города, окинул внутренним взглядом те две недели, что провел в группе поддержки Собчака. Вспомнил, как белое превращалось в черное и обратно и как несколько раз наступал момент, когда не было никакого способа отличить одно от другого. По крайней мере, он такого способа не придумал.

— Илья, послушай. — Катя заглянула ему в глаза, ее скулы заострились, алый цвет уже практически сошел с губ. — Я не хочу, чтобы ты это делал для меня. Я хочу, чтобы ты это сделал для себя. И я правда считаю: тебе здесь совершенно нечего делать. Да и в Германии тоже. Но ФРГ — отличный трамплин для компьютерных гениев, надо же с чего-то начинать.

Илья продолжал молчать, и Катя поднялась, обошла стол и села к нему на колени. Она наклонилась к его лицу, потянулась губами к уху, длинные волосы коснулись его шеи и лба. Илья почувствовал ее тепло у себя на щеке и в этот самый момент услышал Катин шепот:

— Ты женишься на мне?

— Что??? — Илья взял в ладони непривычно раскрасневшееся Катино лицо и отстранился, пытаясь поймать ее взгляд.

⁶ Ваше здоровье! (нем.).

— Илья Субботин, ты женишься на мне? — повторила Катя громче, с улыбкой наблюдая за выражением его лица.

— Хочешь сказать, у тебя ушел целый год на то, чтобы согласиться стать моей женой?

— Это — как я понимаю — да?

Илья видел, что Катя уже откровенно веселилась, и ее игривое настроение передавалось и ему.

— Да, это — да. Но только при одном условии.

— Что? Субботин, ты выставляешь мне условия?

— Да, выставляю.

— Хорошо, — Катя по-королевски откинула голову назад. — Я — слушаю.

— Хочу попросить тебя не надевать больше туфли на высоких каблуках.

От неожиданности Катя на секунду забыла про тот спектакль, что они сейчас разыгрывали. Она с удивлением уставилась на Илью, но почти сразу поняла, что тот говорит серьезно.

— Ты комплексуешь по поводу своего роста? Ты???

Илья ничего не ответил, только отвел в сторону взгляд.

— Дурак ты, Илья. Судишь по себе. Думаешь, я не знаю, как это у вас работает — длина ног, размер груди, попа? Хочешь знать, что самое сексуальное? Из всего, что только может быть?

Илья выжидающе взглянул на Катю.

— Мозги, Илья. Интеллект. И вообще — секс, он ведь в голове, ты не знал?

Катя дотянулась до своего бокала, и портвейн вновь окрасил ее губы в неестественно красный, почти коралловый цвет.

— Я тебе не рассказывала — я когда в первый раз показала шефу программу, которую ты написал для моего диплома, он вообще не понял, как она работает. Ну то есть он видел, что программа работает, но не мог понять почему. Позвал еще какого-то человека с кафедры. И вот сидят эти два профессора и ломают голову, пытаются разобраться в алгоритме. А ведь ты все это за каких-то пару часов написал. И знаешь, я только тогда поняла, насколько ты крут. До этого, конечно, подозревала, но и только. И будешь смеяться, меня научрук даже в аспирантуру звал.

— А ты что? — спросил Илья.

— А что я? Я сказала: ага, щас.

— Знаешь, по-моему, сейчас самое время выяснить, где именно в голове располагается секс.

— Genau⁷, — Катя обхватила Илью за шею и откинулась назад. — Хороший какой портвейн. Ich bin getrunken⁸.

Илья поднялся, поддерживая Катины ноги под коленями, и аккуратно переместил ее в комнату.

Через полчаса, когда Катя в изнеможении отстранилась от него и начала погружаться в сладкий и тягучий, словно мед, сон, Илья долго рассматривал ее вспотевшее лицо с капельками пота над верхней губой и размышлял о том, вспомнит ли она утром их сегодняшний разговор. Он смотрел на нее до тех пор, пока Катя не заворочалась и неожиданно не проговорила:

— Илья, в понедельник ведь не будет уже никаких выборов?

Илья провел ладонью по ее теплой влажной щеке.

— Нет, не будет. Спи.

— Тогда в понедельник прямо с утра и пойдем.

⁷ Точно (нем.).

⁸ Я напилась (нем.).

— Куда пойдем?

— В загс, куда же еще.

Илья замер, думая, что ослышался. Вернее, только в этот момент и осознавая настоящему, что все, что произошло с ними сегодня, — все это правда.

— Я хочу, чтобы мы подавали документы в консульство уже как муж и жена. Хочу... — Катя широко, с удовольствием зевнула, — чтобы у нас с тобой были равные... иммиграционные права...

19. День выборов

Утром Илья едва не проспал. Банально забыл поставить с вечера будильник. И не только об этом забыл — вообще обо всем. Внезапное изменение статуса, волшебное, по мановению Катиных губ превращение в ее жениха словно все в нем перетряхнуло, внесло сумбур в аккуратно разложенные по полочкам цели, желания, мысли. Поэтому когда его каким-то чудом подкинуло в шесть утра, Илья не сразу даже вспомнил, что сегодня в семь сорок пять он должен быть на избирательном участке. А когда вспомнил — все равно еще несколько минут боролся с искушением тихонько соскользнуть обратно в теплые и уютные, в радужных разводах сны. Но чувство долга взяло свое, и даже не оно само, а некое подобие инерции, что в последние дни тащила его буквально за волосы к финишной черте предвыборной кампании.

Когда Илья добрался до избирательного участка, первым, кого он встретил, был Марат, который ждал его на школьном крыльце. На Марате был сегодня строгий черный костюм, видимо специально приберегаемый ко дню голосования, и какое-то новое, незнакомое Илье выражение лица — спокойное и одновременно напряженное, как у сжатой до предела стальной пружины. Марат уже работал наблюдателем в первом туре, а потому Илья лишь по диагонали пробежал выданную в штабе памятку, решив положиться в этом вопросе на напарника.

«Ну что, погнались?» — сказал Марат и взялся за ручку входной двери. Они миновали холл и двинулись по коридору вдоль развешанных на стенах указателей со стрелками, пока не очутились в спортзале, где и было оборудовано помещение для голосования. Марат покрутил головой и уверенно направился к длинному столу с разложенными на нем списками избирателей, за которым сидела полная женщина со следами химической завивки в выцветших волосах и с крупными родинками на некрасивом лице. Женщину, оказавшуюся заместителем председателя участковой избирательной комиссии, звали Тамарой Викторовной. Услышав фамилию Собчака, она поскущнула и привыкшим отдавать распоряжения голосом потребовала удостоверение наблюдателя и паспорт. Тамара Викторовна долго рассматривала документы Ильи и Марата, но в конце концов, вздохнув, все-таки внесла их имена в реестр присутствующих на участке лиц.

— Ну и рожа, — тихо сказал Марат, когда с формальностями было покончено. — И откуда их только берут?

Марат обошел спортзал по периметру, заглянул в каждый угол, но не обнаружил никаких нарушений, чем, как показалось, остался немного разочарован. Между тем участок начал заполняться людьми. Подошли еще два члена комиссии, вслед за ними появилась невысокая девушка в джинсах, блузке и с небольшим кожаным рюкзаком, как оказалось — корреспондентка одной из городских газет. Последней перед заместителем председателя УИК возникла наблюдатель от штаба Яковлева — подвижная разбитная женщина неопределимого возраста, которая с ходу принялась что-то оживленно обсуждать с Тамарой Викторовной, словно много лет была с ней знакома.

— Обрати внимание, — сказал Марат Илье, — от Яковлева всего один наблюдатель. Хотя на некоторых участках в центре их аж по три человека.

— Почему так? — спросил Илье.

— Это прояковлевский участок. Так что нужно смотреть в оба.

Все было готово к опечатыванию ящиков для бюллетеней, но самый главный человек на участке — его председатель — все еще отсутствовал. Марат уже пару раз поглядывал на часы, но тут в спортзал вошел пожилой мужчина в коричневом, давно вышедшем из моды костюме в сопровождении милиционера. Председатель был похож одновременно и на бывшего партфункционера, и на военного в отставке, а может, вообще на человека из органов, слишком уж цепким был взгляд его маленьких глаз, особенно на контрасте с невзрачным лицом и обвисшими, чересчур гладко выбритыми щеками.

— Доброе утро, Герберт Леонидович, — громко поприветствовала председателя Тамара Викторовна.

— Прямо Гербера какая-то, — прошептал Илье Марат и, следуя инструкциям, направился к председателю УИК, чтобы представиться. Герберт Леонидович пропустил мимо ушей приветствие Марата, вопросительно взглянув на своего заместителя. И услышав «это от Собчака», кивнул, но не Марату, а куда-то мимо и сразу же отвернулся.

До открытия участка оставалась пара минут. В присутствии наблюдателей председатель осмотрел и опечатал два ящика для бюллетеней — один большой, стационарный, другой переносной, фанерный, с черной пластмассовой ручкой. После этого члены избирательной комиссии вернулись за стол, к спискам избирателей, Илье с Маратом, яковлевский наблюдатель и корреспондентка газеты расположились на стульях вдоль стены, а милиционер широко отворил входную дверь в спортзал.

Избирательный участок был открыт, и второй тур выборов официально стартовал. Однако, как выяснилось, никто не толпился перед входом в участок в ожидании этого исключительно важного для города события, так что в первые минуты в спортзале ровным счетом ничего не изменилось.

— И что теперь? — спросил Илье Марата.

— Теперь наблюдать, — ответил Марат, — вот за этим ящиком, — он указал на массивный параллелепипед, хорошо просматривающийся с того места, где они сидели. — И так до десяти вечера. Наша главная задача — не дать вбросить в него бюллетени.

— И все?

На участке появились первые избиратели. В основном это были пожилые люди из окрестных домов. Показав документы, они получали бюллетени у сидящих за длинным столом членов УИКа и отправлялись в зашторенные синей тканью, похожие на примерочные кабинки для голосования.

— Нет, не все, — менторским тоном продолжил Марат. — Еще нужно следить, чтобы никому не выдавали больше одного бюллетеня, чтобы на участке не было посторонних и чтобы никто не вел агитацию. Ну и где-то раз в час обходить территорию вокруг школы, смотреть, нет ли подозрительного скопления людей. Знаешь, что такое «карусель»?

— Знаю, — оборвал Марата Илье, ему было странно слышать в голосе напарника то же превосходство, что и в первые дни кампании, и это после совершенно бездарно проведенной предвыборной агитации, которую Марат, будучи верным солдатом штаба, всегда безоговорочно поддерживал.

«Скука смертная. Бессмертная», — часовая стрелка только-только добралась до полудня, а Илье уже чувствовал себя полностью измотанным. Казалось бы, что может быть проще — сиди себе и держи ящик для бюллетеней в поле зрения. Но за прошед-

шие четыре часа неподвижности он утомился больше, чем когда они с Маратом разносили листовки по квартирам. Можно было, конечно, подняться, пройтись, размять ноги, но чем дольше Илья сидел, тем меньше ему хотелось двигаться, так что временами ему мерещилось, что он буквально врос в стул, превратившись в новый биологический вид — в идеального наблюдателя. Хотя нет, не в идеального. Илья так устал еще и от того, что мысленно его постоянно уносило из школьного спортзала — по Тихорецкому проспекту, через Политехническую улицу и 1-й Муринский к станции метро «Лесная» — туда, где, раскинувшись в постели, словно морская звезда, спала Катя. Он смотрел на ящик для бюллетеней, а видел ее лицо с закрытыми глазами, слышал ее ровное дыхание, и чем больше торопил неповоротливое вязкое время, тем сильнее оно замедлялось. Ему нужно было позвонить Кате, он не сказал ей накануне, что задержится сегодня до поздней ночи: участок закрывался в десять, и насколько затянется подсчет голосов, никто не знал. Но Илье не хотелось будить Катю в воскресенье, а потому нужно было ждать хотя бы до двух часов дня, но упрямое время никак не хотело входить в его положение.

Марат же, напротив, почти не сидел на месте. Он то и дело вскакивал, зачем-то подходил к висящему на стене стенду с биографиями кандидатов. Он познакомился с девушкой-корреспондентом и долго о чем-то с ней говорил. Он выходил из участка и осматривал территорию вокруг школы. Он отразил две попытки яковлевского наблюдателя с ними заговорить. Женщине, очевидно, тоже было скучно, и она пару раз подходила к Илье с Маратом, чтобы поделиться далеко не очевидными трудностями нелегкой профессии продавца непродовольственных товаров. Но оба раза Марат говорил, что им запрещено разговаривать с людьми из штаба Яковлева, хотя никаких инструкций по этому поводу Илья не помнил. А в полдвенадцатого Марат вообще оставил Илью на целый час одного, уехав голосовать на свой участок, расположенный где-то неподалеку, тоже на севере города. Это было требование штаба: каждый наблюдатель обязан был проголосовать сам, однако Илья при всем желании не мог этого сделать. Он был прописан в Петергофе, и чтобы проголосовать за Собчака, ему нужно было на полдня покинуть свой пост.

Избирателей на участке было совсем немного. Бывали периоды, довольно продолжительные, когда в помещении не было никого, кроме членов комиссии и наблюдателей. И вообще, все действо выглядело довольно вялым, чуть ли не сонным. Ко всему прочему, поднявшееся из-за деревьев солнце затопило спортзал неподвижным горячим светом через огромные, до потолка, окна, превратив избирательный участок в подобие теплицы. Однако в отличие от теплицы было совершенно неясно, что здесь в результате вырастет. Члены комиссии привычно занимались своим делом, которое большую часть времени сводилось к безделью, и только председатель, которого Марат прозвал Герберой, с непонятной периодичностью и с не менее непонятными намерениями выходил из спортзала на несколько минут. И всякий раз, когда Герберт Леонидович проходил мимо Ильи с Маратом, он неодобрительно на них смотрел. Даже не так: каждый раз председатель неодобрительно не смотрел в их сторону. Что же касается нарушений, то их не наблюдалось совсем, и это расстраивало Марата, который в конце концов поделился своим беспокойством с Ильей: комиссия была прояковлевской, и если бы им удалось оформить хотя бы пару протоколов о нарушениях, было бы легче при необходимости оспорить результаты выборов на участке. «При какой еще необходимости?» — спросил Илья Марата, но тот больше ничего не сказал. Впрочем, какой бы ни оказалась эта необходимость, все было тщетно. Несколько избирателей заполнили бюллетени прямо на столе, перед членами комиссии, пара человек проигнорировали ящик, из кабинки сразу направившись к выходу, — вот, собственно, и все, что случилось на участке за полдня. Был еще, правда, пьяный, непонятно зачем за-

бредший в спортзал и разразившийся бранью при виде портрета Собчака на стенде, но он тут же был выведен с участка брезгливо-корректным милиционером. «Скука смертная. Бессмертная».

В половине четвертого председатель комиссии неожиданно подошел к сидящим вдоль стены наблюдателям. На его недовольном лице угадывалась демонстративная покорность бюрократа, вынужденного подчиняться не им придуманным правилам.

— Ставлю вас в известность, и не говорите потом, что не были проинформированы, — отчеканил Герберт Леонидович, ни к кому конкретно не обращаясь. — Через полчаса начнется выездное голосование. Кто из вас будет сопровождать бригаду?

— Он, — без запинки проговорил Марат, указав на Илью.

— Кто-нибудь еще? — председатель перевел взгляд на женщину-наблюдателя от штаба Яковлева, но та покачала головой. — Нужно записаться у Тамары Викторовны, — сказал Герберт Леонидович Илье, умудрившись при этом не встретиться с ним взглядом.

— Илюх, ты как? Сходишь? — спросил Марат, когда председатель вернулся к столу. — А мне лучше на участке остаться.

Илья хотел было возмутиться, хотел сказать, что этот вопрос нужно было задавать до, а не после. У него вообще мелькнула мысль, что это была какая-то домашняя заготовка, правда, он понятия не имел, для чего Марату это могло понадобиться. Но с другой стороны, сил сидеть на одном месте не было уже никаких. Поэтому он лишь молча кивнул и тотчас нарвался на очередную мини-лекцию напарника.

— Там нет ничего сложного. Главное — следить, чтобы не голосовали всякие левые люди типа родственников. Основанием для голосования может быть только состояние здоровья и инвалидность. И больше ничего. У бригады будет реестр заявок на голосование, так что все просто. Ну и никакой агитации, само собой.

В выездную бригаду для голосования вошли два члена УИК — зампредседателя Тамара Викторовна и сухонький, но бодрый старичок, который сразу же — на правах джентльмена — вцепился в пластмассовую ручку переносного ящика для бюллетеней. «Нет, Степаныч, — покачала головой Тамара Викторовна, — пусть вон Илья... э... Илья Андреич понесет, он как-никак помоложе будет».

От утренней свежести, которую застал Илья, когда ехал на участок, не осталось и следа. Погода словно решила продемонстрировать всю серьезность своих намерений, и второй календарный день лета оказался еще теплее, чем первый. Солнце единолично царило на высоком безоблачном небе, ветра не было, и неподвижное давление горячих солнечных лучей создавало в воздухе ощущение марева. В такой день хотелось оказаться где-нибудь на набережной, спуститься по ступеням к прохладной неторопливой воде, а не ходить по подъездам обшарпанных панельных пятиэтажек и девятиэтажных домов из белого и красного кирпича. И если бы не зеленая тенистая прослойка из деревьев между домами, установившуюся на выходных погоду можно было официально назвать жарой.

Квартиры, которые предстояло посетить выездной бригаде, были разбросаны по всему микрорайону. Члены УИК на правах всезнающих местных жителей шли первыми, Илья с ящиком замыкал процессию. После слепящего жаркого солнца подъезды производили впечатление жилища кротов. В первые мгновения, пока глаза привыкали к отсыревшему полумраку, у Ильи возникало инстинктивное желание включить в подъезде свет, но тут его взгляд упирался в лампочку с оранжевой ниткой внутри, и он понимал, что включить тут уже ничего не получится. Когда же зрение, оправившись от солнечных всполохов на сетчатке, приходило в себя, проступала неприглядная изнанка десятилетиями не отремонтированных подъездов — облезлые стены, раскуроченные почтовые ящики, — причем не все, а выборочно, истертые подошвами, а места-

ми и вовсе продавленные ступени лестничных маршей, хлипкие перила. В пятиэтажных «панельках» не было лифтов, и, к удивлению Ильи, быстрее всех поднимался по лестнице сопровождавший Тамару Викторовну старичок. Сама зампредседателя, будучи женщиной в теле, ожидаемо страдала от одышки, Илья же — в силу своего возраста — не имел права обращать внимания на такие пустяки. В девятиэтажных домах лифт был, но Илья и там предпочел бы подниматься по лестнице: втиснутый вместе со старичком и раскрасневшейся Тамарой Викторовной в похожую на вертикальный гроб кабину, Илья почти сразу начинал задыхаться. К тому же сам лифт вел себя так, словно вот-вот отдаст душу неведомому машиностроительному богу: он начинал движение рывком, будто с натугой выдираясь из вросшей в него шахты, а во время подъема скрипел, раскачивался и бился обо что-то металлическое. Добравшись же до нужного этажа, не открывал двери сразу, а чего-то дожидался, и пару раз Илья был почти уверен, что они застряли. Но все это меркло на фоне того, что Илья увидел в квартирах. Немошнные, запертые в четырех стенах, физически лишенные возможности покинуть свои жилища старики жили бедно. И еще как-то захламленно, что ли. Словно старость не приходила одна, она всегда приводила с собой энтропию, и именно неспособность придать окружающему миру хоть какое-то подобие порядка и была самым главным признаком приближающегося конца. И еще запах, очень характерный, ничем не вытравляемый сладковатый запах лежалых вещей, пыли и одиночества.

Очень быстро выяснилось, что старики не были самостоятельны в своем выборе. Принять участие в голосовании их убедили родственники, они же подали заявку на голосование на дому. Поэтому неудивительно, что почти везде Илья наблюдал — пусть и с вариациями — одну и ту же картину. Какая-нибудь бабуля, едва способная держать авторучку, спрашивала у стоящей тут же, возле нее родни, за кого ей голосовать. И необъятный и потный бугай — Илья не мог даже сказать, сын это или внук — безапелляционно отвечал, почти приказывал: «Как за кого? За Яковлева, конечно». Когда это случилось в первый раз, Илья попытался было вмешаться, но тут же получил довольно грубую отповедь: никто не вправе запретить матери советоваться с сыном. Илья повернулся к Тамаре Викторовне, но та индифферентно промолчала. Больше он не встречал во внутрисемейные разговоры, которые, как правило, заканчивались галочкой в бюллетене напротив фамилии «Яковлев».

Мало-помалу заявки на выездное голосование подошли к концу. Последним адресом был дом на самой границе микрорайона, длинная кирпичная пятиэтажка, выходящая на Тихорецкий проспект. Нужная квартира располагалась на четвертом этаже, и едва Илья вслед за членами комиссии вошел внутрь, он как замороженный остановился у окна, из которого открывался вид на площадь с трамвайным кольцом. Это было то самое место, где они, вконец измотанные, сидели на скамейке с Маратом после их первого обхода квартир. И как и тогда, вид этой площади, одиноко стоящего неподалеку дома и неповоротливых, старательно выписывающих круги трамваев вновь отозвался в нем строчками песни Александра Васильева:

Здравствуй, осенняя площадь,
Пусть мой этаж не последний,
Скоро я буду с тобой,
Мое санкт-петербургское небо⁹.

— Илья Андреич, ящик поднесите поближе к кровати, — услышал Илья недовольный голос Тамары Викторовны и с сожалением опять вернулся к действительности, к последнему аккорду выездного голосования на дому.

⁹ «Санкт-Петербургское небо» (Александр Васильев, группа «Сплин», 1994).

На обратном пути порядок следования как-то сам собой поменялся, первым теперь шел Илья, а члены УИК немного отстали. А когда до избирательного участка оставалась всего пара домов, Тамара Викторовна нагнала Илью и сказала, что «они со Степанычем пойдут чего-нибудь перекусят». Повисла вопросительная пауза, и пауза эта имела вид фанерного ящика с бюллетенями, который после двухчасового хождения по подъездам ощутимо оттягивал Илье руку. Зампредседателя насмешливо, чуть ли не с презрением посмотрела на Илью, тряхнула блеклыми редкими кудрями и проговорила, обращаясь к подошедшему старичку: «Илья Андреич любезно согласился занести урну на участок». Илья взгляделся в ее некрасивое лицо — крупный нос, глубоко посаженные выцветшие глаза, подбородок и щеки, покрытые бугорками родинок, — и понял: Тамара Викторовна не боялась отпускать его одного с бюллетенями, она каким-то звериным чутьем знала, что с Ильей они в безопасности. И это ни в коем случае не было комплиментом Илье — в глазах зампредседателя его порядочность была сродни физическому уродству, наподобие врожденного отсутствия одной руки, из-за которого человек в принципе не способен на определенные действия, вроде аплодисментов или игре на гитаре. Члены УИК переглянулись и быстро зашагали прочь, и через минуту Илья остался в одиночестве на асфальтовой дорожке, ведущей к избирательному участку.

Показалось здание школы. Илья ступил на прилегающую территорию и уже почти пересек заасфальтированный двор с воткнутым по центру флаштоком — очевидно, место построения на линейке первого сентября, как вдруг увидел курящего на крыльце Марата. Тот нетерпеливо поглядывал на часы и озирался по сторонам. Заметив Илью, Марат выбросил окурочек и заспешил в его сторону, чуть ли не силой увлекая того за угол школы, подальше от крыльца. Илья открыл было рот, чтобы спросить, почему Марат оставил участок без наблюдения, но тот, предупреждая расспросы, сказал, что в спортзале осталась Вика, она обещала присмотреть за урной.

— Какая еще Вика? — спросил Илья.

— Ну девушка. Журналистка, из газеты, — раздраженно отмахнулся Марат и, кивнув на ящик с бюллетенями, спросил: — Ну че там, Илюх?

— В смысле?

— В смысле — видел, как голосовали?

— Ну да. Почти все за Яковлева. В районе двадцати бюллетеней, — сказал Илья.

Марат на секунду подвис. Нет, он не колебался. И не принимал никаких решений. Это беззвучно распрямлялась у него внутри та сжатая до поры до времени пружина, которую Илья заметил в нем еще утром.

— Это, Илюх... Короче. Нужно эти бюллетени загасить.

— Как загасить? — не понял Илья.

— Сделать недействительными. Самое простое — вбросить в урну несколько пустышек, чтобы количество бюллетеней не билось с числом проголосовавших в реестре, — на этих словах Марат вытащил из внутреннего кармана пиджака несколько сложенных пополам бланков.

— Откуда у тебя бюллетени, Марат? — тихо проговорил Илья.

— А не один ли х... откуда?

— Константин Александрович в курсе?

— А ты как думаешь? — огрызнулся Марат, — Илюх, кончай тупить. Давай быстрее, пока Герберы на участке нет.

Марат попытался было ухватиться за ручку ящика для голосования, но Илья отступил на шаг и убрал урну за спину.

— Думаешь, Собчаку нужна победа такой ценой?

— Да какой ценой? Какой еще, б..., ценой? — неожиданно взорвался Марат. — Сейчас самое главное — не дать этому завхозу сраному избраться. Вот станет Собчак губером, потом и будем себе голову пеплом посыпать и с совестью своей разбираться. Хоть все четыре года. Ты что думаешь, если ты такой честный, Гербера с Тамарой не попытаются вбросить бюллетени за Яковлева при подсчете голосов? Ты их морды видел вообще? А еще о цене какой-то говоришь...

Илья не стал дослушивать Марата, он аккуратно, как прокаженного, обошел его по дуге и направился к входу в школу. Он уже поднялся на крыльцо и взялся за ручку двери, когда Марат окликнул его еще раз. Илья на секунду остановился — покрасневший, всклокоченный и злой и в то же время какой-то потухший, Марат смотрел на него снизу вверх, кусая тонкие губы.

— Илюх, ты правда думаешь, что мы сейчас между Собчаком и Яковлевым выбираем?

Илья ничего не ответил. Он потянул на себя дверь и через секунду скрылся в помещении избирательного участка.

20. Nachwort¹⁰

Он шел по ночному, уже выбеленному преждевременным рассветом городу. Смотрел на потухшие глаза домов, на серебрившуюся в свете луны асфальтовую ленту дороги, на темные пятна на тротуарах — там, где здания отбрасывали благословленную белой ночью тень. Он шел мимо спящих на кольце трамваев, мимо площади, на которую сегодня так и не рухнуло санкт-петербургское небо. Он шел, оставляя за собой избирательный участок и весь этот длинный, до последнего притворявшийся безразмерным день. Окончание голосования, неудавшуюся попытку председателя выгнать наблюдателей с участка, подсчет голосов, получение копии протокола с результатами. Он оставлял за собой казавшиеся теперь такими смешными иллюзии, которые сегодня пришлось конвертировать в разочарование по совсем невыгодному курсу. Оставлял Марата, которому не подал на прощание руку. А еще — еще он уносил в себе то сладкое, особенное чувство, что он справился. Сумел выдержать, с достоинством прошел через внезапно, из ниоткуда свалившееся на него испытание, не сломался, смог остаться честным перед самим собой. Но главное было все же не в этом. Главное — он наконец понял, что ошибался. Что город — это не Собчак и не Яковлев. Город — это он сам. Его город — у него внутри, и он останется с ним навсегда.

Он шел по притихшим ночным улицам, стремясь поскорее попасть туда, где ждала его самая красивая женщина в мире. Он торопился к ней, едва сдерживаясь, чтобы не побежать, и совсем ничего не знал. Он не знал, что в это же время с избирательных участков возвращались домой сотни наблюдателей от районных штабов Собчака. И что многие из них — так же, как он сам — не пошли сегодня на компромисс со своей совестью. Он не знал, что тысячи и тысячи сторонников Собчака, ставшие свидетелями беспрецедентно грязной предвыборной кампании, проигнорировали второй тур, уехали на выходные за город, позволив соблазнить себя неожиданному летнему теплу. И уж точно он не мог знать, что даже спустя четверть века он так и будет возвращаться в мыслях к этому дню, будет проживать его снова и снова, будет сомневаться и спрашивать себя, правильно ли тогда поступил. Потому что Анатолий Собчак в результате проиграет выборы губернатора со статистически неразличимой разницей в полтора процента. Команда мэра будет изгнана не только из Смольного, но и из города и вынуждена будет устраивать свою жизнь в столице. И вместе с остальными безработными чиновниками в Москву переберется и бывший первый заместитель мэра Санкт-Петербурга Владимир Владимирович Путин.

¹⁰ Послесловие (нем.).